

ЕКАТЕРИНА БЕРЕСЛАВЦЕВА

ВАНЕ ОБЛАКОВ

ПОВЕСТЬ

16+

Екатерина Береславцева

Выше облаков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53816310

SelfPub; 2022

Аннотация

Очнувшись после серьёзной операции, едва не стоившей ей жизни, Маргарита Громова принимает решение удочерить новорождённую девочку, чья мать умерла при родах в соседней палате. Что же движет ею: психическое заболевание, внутренний голос, череда мистических совпадений или желание решить свои внутренние проблемы, тянущиеся из детства? Маргарита пока не понимает, чем обернётся для неё неожиданное материнство, но одно она знает точно – в её жизнь вторглось нечто, не поддающееся разумному объяснению, и она готова пойти на всё, чтобы эту тайну разгадать.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	32
Глава 12	41
Глава 13	50
Глава 14	52
Глава 15	59
Глава 16	63
Глава 17	72
Глава 18	82
Глава 19	90
Глава 20	104
Глава 21	108
Глава 22	111

Глава 23	122
Глава 24	127
Глава 25	129
Глава 26	132
Часть 2	137
Глава 1	137
Глава 2	141
Глава 3	145
Глава 4	149
Глава 5	152
Глава 6	154
Глава 7	160
Глава 8	162
Глава 9	164
Глава 10	169

Екатерина Береславцева

Выше облаков

Часть 1

Глава 1

Кромешная темнота сменилась ярким светом, болезненно ударив по моим закрытым глазам. Это случилось вдруг, в одну секунду, и было таким острым и страшным ощущением, что невольно я застонала.

– Очнулась, Иван Семёнович!

Внешний мир вторгся в меня неумолимо. Беспощадно. Громкий стук, похожий на звук идущих механических часов, увеличенный стократно, надсадно и монотонно буравил мои виски. В животе чувствовалась зияющая пустота. Как будто из меня зачем-то вынули все внутренности и забыли вложить обратно. А ещё было очень холодно. Нестерпимо холодно.

Веки разлепились с трудом. Никогда ещё я не видела такого ослепительного потолка. Идеально ровное белое море омывало квадратные светящиеся островки люминесцентных ламп.

– Как вы себя чувствуете, Маргарита Станиславовна?

Незнакомый низкий голос заставил меня слегка повернуть голову направо. Надо мной склонилась широкоплечая мужская фигура в белоснежном халате. Светло-голубая полупрозрачная шапочка на лысеющей голове, плотная маска на лице, серьёзные карие глаза.

– Не знаю, – удалось выговорить мне. – А где я?

Густые брови чуть дрогнули.

– В третьей городской больнице. Мы вас хорошенько почистили, Маргарита Станиславовна.

– Почистили? – До меня не сразу дошёл смысл этого слова. – А я была... грязная?

– У вас был острый перитонит, – медленно, словно ребёнку, объяснил мужчина. – Нам пришлось немало повозиться. К счастью, у вас сильный организм.

– Сильный организм... – повторила я. – А как я сюда попала?

– Вас привёз ваш отец.

– Да? Я не помню.

Что-то мешало мне сосредоточиться. Может быть, этот размеренный стук?

– А что вы...

– Вы можете это отключить? – раздражённо перебила я его.

– Что отключить? – голос доктора стал ещё мягче.

– То, что стучит так нудно. Или это дождь?

– Вам показалось, Маргарита Станиславовна. В реанимации тихо. А за окном светит солнце.

– В реанимации? – я уцепилась за страшное слово. – Я в реанимации?? Почему я в реанимации? Я что, умираю?!

– Всё уже хорошо, успокойтесь! – Доктор присел на стул и коснулся моей руки. Прикосновение было неприятным. – Операция прошла успешно, и скоро вы сможете увидеть своих родных.

Его глаза внимательно и устало смотрели на меня.

– Вы не имели права оперировать меня без моего согласия! – жёстко сказала я.

Слева послышался звон чего-то упавшего.

– В данной ситуации я такое право имел, – голос врача не изменился. – Вы были без сознания, и согласие на операцию дал ваш отец.

– Я не верю. Он не мог этого сделать, не посоветовавшись с моим врачом.

– Фёдор Васильевич подписал все необходимые бумаги, – всё так же ровно произнёс мужчина. – Вам их показать?

– Не сейчас. – Я немного подумала. – Мне нужно позвонить своему доктору. Я могу это сделать?

– Конечно. – Он встал. – Но только позже. Сейчас вам необходимо отдохнуть.

– Я сама буду решать, отдыхать мне или нет! – я повысила голос. – Я не устала и желаю сейчас же позвонить единственному врачу, которому я доверяю!

– Пока вы находитесь в моей больнице, вы будете делать то, что я скажу, пациентка Громова! Я наслышан о вашем характере и предупреждаю, что со мной вам незачем упражняться в хамстве и грубости. Прошу это запомнить! Анечка, приготовьте всё для инъекции, Маргарите Станиславовне пора спать.

– Со мной так ещё никто никогда не говорил! – от возмущения меня бросило в жар.

– Привыкайте, – кинул на прощание доктор и вышел.

Я посмотрела на медсестру. Лицо её пошло красными пятнами.

– Как вы могли такое сказать! Иван Семёнович – гений! Да если бы не он...

– Если бы не он, я бы не валялась сейчас в вашей мерзкой больничке, а находилась под наблюдением самого лучшего доктора! Моего доктора!

– Иван Семёнович вас с того света вернул, – тихо сказала девушка. – Может быть, не надо было?

– Делайте уже свой укол! Я устала с вами спорить. И отключите, наконец, эту штуковину, она меня бесит!

Я бессильно закрыла глаза.

Глава 2

– А носик у нас папин, а глазки бабушкины. Лапочка моя, солнышко, доченька долгожданная!

Так вот что стучит так монотонно! Сердце этой юной женщины! Теперь, когда я поняла это, колючее раздражение отпустило меня. Перед глазами проплыло светлое размытое облако, а в нос проник запах, сладкий и смутно-знакомый, заставивший вздрогнуть всё моё существо. Вздрогнуть и неистово потянуться губами к тёмно-розовому облачку поменьше...

– Доброе утро, Маргарита Станиславовна!

Я непонимающе уставилась на человека, сидящего рядом. Сон, всколыхнувший меня, всё ещё держал в своих объятиях. Не отпускал. Мучил. Мне редко снятся сны. Пожалуй, я их по пальцам могу пересчитать. Я здоровый человек, и к сновидениям у меня точно такой же подход. Ночь нужна для того, чтобы спать. Видимо, непривычные для меня нынешние обстоятельства вынудили организм работать по-другому. Ничего, выпишусь – приду в себя.

– Здравствуй, Ирина. Как это тебя пропустили в реанимацию?

– Мы так волновались, так волновались, Маргарита Станиславовна!

На лице моей заместительницы появилось заботливое выражение. Ага, волновались они, как же! Знаю я, что вы думаете про меня. Так ей и надо, нашей железной леди.

– Ты знаешь, что я не выношу лицемерия, Ира! – я поморщилась. – Что там у тебя? Ты же не просто так пришла, проведать несчастную больную?

– Зачем вы так говорите, Маргарита Станиславовна! – кажется, девушка даже расстроилась. – Нам позвонил Фёдор Васильевич, сказал, что операция была очень сложная, и мы все очень испугались за вас!

– А где сам Фёдор Васильевич?

– Он... У него же встреча в Дрездене, вы забыли? – лицо её стало жалким.

– Ах, да!

Я и не ждала проявления добрых чувств от своего отчима. Подумаешь, единственная падчерица попала в больницу, эка невидаль! Гораздо важнее встреча с Шульцем, которой он добивался почти год. Ну и что ты раздражаешься, Марго, разве сама бы ты не так поступила на его месте?

– Может быть, вам что-нибудь принести, Маргарита Станиславовна? – Ирина скосила глаза на медсестру, которая вошла с каким-то прибором в дальнем углу комнаты. – Мы не знали, что вам можно...

– Маргарите Станиславовне сейчас ничего нельзя, – сухо ответствовала вчерашняя Аня. – У неё глюкоза вместо апельсинов и судно вместо горшка.

– Ой, – вздрогнула впечатлительная Ирина и посмотрела на меня.

– Наша медицина – самая добрая медицина в мире! – громко сказала я.

– Тогда я пойду, Маргарита Станиславовна? – Мне показалось, что глаза моей заместительницы улыбались. Ничего, голубушка, вот выйду я на работу, посмотрим, кто будет смеяться последним! – Выздоровливайте поскорее!

– Ты что, только для этого приходила, Ира? Чтобы пожелать мне скорейшего выздоровления? Что у вас там стряслось?

– Ничего не стряслось, честное слово, Маргарита Станиславовна!

– Так я тебе и поверила, – буркнула я. – Ладно, иди уж. Лиса.

– А... – девушка замешкалась.

– Ты что-то хочешь спросить?

– Нет-нет, ничего. Я потом. – Она бросила быстрый взгляд на медсестру. – До свидания, Маргарита Станиславовна, я к вам завтра приду!

– Займись лучше своими рабочими обязанностями, Ирина! Мне тут и без тебя не дают скучать. Не приходи. Нужна будешь – вызову.

Сон ещё не до конца отпустил меня. Сознание моё раздвигалось, плыло, временами находило странное, бессильное

ощущение нереальности происходящего, доносились звуки, которые уж никак не могли принадлежать этому холодному белому месту, но через мгновение комната вновь обретала чёткость и ясность. Это после операции, понимала я, но мне это чертовски не нравилось. Я не привыкла чувствовать себя слабой и беспомощной.

– Аня, вы можете подойти ко мне?

– Слушаю вас, – девушка моментально оказалась около моей кровати. – Вас что-то беспокоит?

– Меня беспокоит, что я ничего не помню про операцию.

– Это нормально, Маргарита Станиславовна, – она слегка улыбнулась. – Действие наркоза обычно...

– При чём тут наркоз? – я грубо её оборвала. У медсестры окаменело лицо. Ладно, попробую по-другому. – Извините меня, Анечка, я просто раздражена из-за своего состояния. Вы же можете это понять?

– Да, конечно, я понимаю, – она кивнула всё с тем же непроницаемым выражением лица.

– Мне необходимо знать, что делали со мной, пока я была под наркозом?

– Вам со всеми подробностями рассказать? – хладнокровно произнесла девушка. – Например, какого размера был разрез в подвздошной области или на какой минуте делали электрическую стимуляцию сердца? А может быть, вам поведать о паллиативном вмешательстве в виде дренирования?

– У вас острый язычок, милая, это я уже поняла. Но вы

зря стараетесь, и не такие люди зубки свои обламывали.

– Если вас больше ничего не беспокоит, я займусь своими рабочими обязанностями, уважаемая Маргарита Станиславовна!

Она резко развернулась и устремилась к выходу.

Вот зараза! Злобная девица. И где таких берут? А что такое она сказала про стимуляцию сердца?

– Подождите, Аня!

Она обернулась в шаге от двери.

– Слушаю вас.

– Что вы имели в виду, когда говорили об электрической стимуляции сердца? Это что значит?

– Спросите у Ивана Семёновича, я не компетентна отвечать на такие вопросы.

– Ну так позовите его!

– Когда доктор будет свободен, он обязательно к вам зайдёт! – вежливо пропела девушка и закрыла за собой дверь. Вот нахалка!

Глава 3

Я медленно выплывала из сна. Мне не хотелось просыпаться. То, чего я была лишена всю свою жизнь, внезапно реализовалось в моих бессознательных сновидениях, повторяющихся со сладостным постоянством из ночи в ночь. Не было никаких забот и ответственности в моём безмятежном младенческом состоянии. Одни лишь простые желания: поест, поорать, испачкать пелёнки. Я купалась в этой безмятежности, как в парном молоке, и была окутана непроницаемой защитой человека, который дарил мне свою любовь и ласку и которого звали Надя. Наденька. Надежда. Больше никого и ничего в том мире не было.

Он позвонил, когда длинная стрелка на белом циферблате прикоснулась к короткой. Сравнить биение времени с биением сердца внутри себя было сейчас моим единственным занятием.

– Здравствуй, Фёдор! – Я никогда не называла своего отца папой.

– Как ты себя чувствуешь, королева Марго? – голос его был уставшим.

– По сравнению с Бубликовым – просто прекрасно. Как Шульц? Тебе удалось его укротить?

– Лошадка оказалась норовистая, но и мы не лаптем щи

хлебаем.

– Значит, нас можно поздравить? – Я не понимала, обрадовали ли меня его слова.

– Естественно! – он хмыкнул. – Осталось кое-какие бумаги подписать и всё, можно откупоривать шампанское!

– Наконец-то! По такому случаю увеличиваем рабочий день!

– Если бы я тебя не знал, то подумал бы, что ты пошутила, Марго.

– Но ведь теперь работы у нас прибавится! – равнодушно пожалала я плечами. – Ты же знаешь, что я сама буду вкалывать больше всех! А если могу я, значит, смогут и другие.

– Тебе надо было родиться мужчиной.

– Я сама иногда так думаю.

– Правда? – он удивился. – Это что-то новенькое!

– Только кто бы тогда капал тебе на нервы? – усмехнулась я.

– Лучше уж капай, я потерплю.

– Раньше ты такого не говорил...

– Старею, наверное.

– Ты? Стареешь? Глупости какие. – Я взглянула на вошедшую медсестру. – Ладно, Федь, пришли по мою попу. Завтра созвонимся. Привет Шульцу!

– И вам не хворать, – рассмеялся отчим и отключился.

Сколько было мне лет, когда в моей жизни появился Фё-

дор? Двенадцать? Да, я училась тогда в шестом классе, была примерной ученицей и жила вдвоём с бабушкой. Мать моя моталась по свету в поисках счастья, оставив дочь в первый же день выхода из родильного дома. Я была не нужна ей. Я не давала ей жить весело и праздно, это могли дать только мужчины, коих в жизни моей мамыши было вагон и маленькая тележка. Фёдор тоже был в их числе. Ему повезло только в одном – он оказался последним.

Они приехали ко мне, когда бабушка уже лежала в земле. Мать разыскала наша соседка, толстая тётя Даша. Она рассудила, что негоже ребёнку при живой матери жить в детском доме. Тётя Даша всегда была добра ко мне.

Фёдор удочерил меня и дал свою фамилию (отчество осталось дедовым) – это было непременно маминым условием, если он хотел жить с ней. А он хотел. Он почему-то очень её любил, мою несчастную мать. Нам недолго было суждено жить втроём. Через несколько дней после усыновления мать по старой своей привычке собралась в дорогу – она не могла долго находиться на одном месте, – и Фёдор отыскал её на вокзале прекрасного города Краснодар. Совершенно больную и разом постаревшую.

На похоронах тётя Даша редела громче всех. Фёдор тихо сидел за столом и вливал в себя стакан за стаканом. Я была в своей комнате. На следующий день у нас должна была быть контрольная по математике, и не подготовиться я не могла.

Детский дом остался без умной воспитанницы – у меня

был официальный родитель. Тётя Даша могла собой гордиться.

Фёдора я ненавидела. На него тратила свою любовь моя мать, обделяя меня. На него и на других точно таких же громких, грубых и похотливых мужчин. Я жила сама по себе. Пересекалась в квартире с отчимом только на кухне, терпеливо ожидая, когда освободится ванная и когда мне стукнет восемнадцать лет.

Выгонять Фёдора я не стала. Ушла сама. К тому времени отношение к нему в корне поменялось, но сказать об этом – значило признать себя слабой. Слабой я не была. Когда я всё про себя поняла, то переехала жить к однокурснику и вскоре вышла за него замуж. Через полгода взаимных упрёков и оскорблений мы развелись. Мне повезло – квартира бывшего мужа осталась мне.

Когда Фёдор открыл своё дело, он взял меня к себе. Из меня получилась отличная начальница. Я всегда была умной и смышлёной девочкой.

В душу к себе я никого не пускала.

Глава 4

– Надя, Надежда! – истошный крик, раздавшийся в коридоре, разбудил меня. Я опять видела этот сон. Только на этот раз безмятежным он не был.

– Что ты кричишь, Дуся? – другой голос прозвучал прямо за моей дверью. – Пациентов распугаешь!

– Я Надю ищу. Не видала, Ань? Надя куда-то делась. А она кричит и кричит, успокоить не могу.

– В курилке поищи. Ох уж эти молодые мамыши!

Я замерла. Всё это было как-то связано с тем, что приснилось мне несколько минут назад, но думать об этом было страшно. Аня зашла ко мне в палату. Меня перевели сюда вчера, и Ане уже не нужно было приглядывать за мной. Но она была упрямая девица.

– Что там случилось, Ань?

– Это больница, Маргарита Станиславовна, здесь всегда что-нибудь случается.

– Кто такая эта Надя?

– Вы температуру мерили?

– Я спрашиваю вас, Анна, кто такая Надя? Или у меня проблемы с дикцией?

Взгляд медсестры ясно дал мне понять, с чем у меня проблемы, но нарываться она не стала.

– Надя – пациентка из родильного отделения. Оно нахо-

дится на нашем этаже, если вы успели заметить. В правом крыле.

– Как я могла это заметить, если не выходила из палаты ни разу?

– А я думала, вы всё замечаете, Маргарита Станиславовна. Где ваш градусник?

– Не знаю я, где градусник, следить за ним не входит в мою компетенцию!

Я многозначительно посмотрела в её круглое лицо. Аня усмехнулась.

– Как ещё ваши сотрудники не разбежались, – негромко сказала она.

– Я плачу им хорошие деньги, – не преминула ответить я. – Вам такие и не снились в вашей захудалой больнице!

– Не гадь там, где живёшь...

– Что вы там всё бормочете? Лучше принесите мне градусник!

Весь день я прислушивалась к тому, что происходит за дверью. Острая тошнотворная тревога парализовала все мои чувства, не спасали даже короткие заплывы в мутную воду сновидений. При выныривании ещё больше сдавливало виски и быстрее билось сердце. Об инъекции реланиума Аню я попросила сама.

Глава 5

Я вырвалась из безумного плена с кровавыми ранами на руках. В буквальном смысле – во сне я расцарапала себе ладони до крови. Меня мутило. Мама, мамочка!

– Что с тобой, деточка, тебе плохо? Позвать дохтура?

– Я осталась одна!

К горлу подкатывала едкая тошнота. От непривычной тишины стыли пальцы.

– Я давно одна. – Соседка по палате опять легла. – И деток не нажила. А ты молодая.

– А муж?

– И-и-и, где тот муж? – Она равнодушно махнула рукой.

Когда к нам зашёл доктор Арсеньев, я уже всё знала.

– Ванечка, она меня всю измучила!

– Кто вас измучил, Марья Гавриловна? – Ванечка, он же Иван Семёнович, крепкий мужчина пятидесяти четырёх лет, улыбнувшись, присел у бабкиной кровати.

– Грыжа ента! И грызёт, и грызёт, сладу с ней нет!

– А мы её порошочками, Марь Гавриловна, да пилюльками, она и успокоится. Ну-ка, дайте я посмотрю!

Он откинул серое одеяло и зашелестел, зашуршал чем-то.

Я смотрела прямо перед собой. Закрывать глаза я боялась.

– Громова, вы меня слышите?

– А?

Я очнулась. Арсеньев сидел уже около меня.

– О чём вы задумались? – Его рука мягко ощупывала мой живот. – Здесь не болит?

– Нет, Иван Семёнович. А куда девочку теперь отдадут? В детский дом?

– Какую девочку? – Его пальцы замерли.

– Девочку, которая осталась одна. Совсем одна.

– Я не понимаю...

– Иван Семёнович! – я резко села. Он отпрянул назад. – Вы всё прекрасно понимаете! У ребёнка нет родственников, ей дорога теперь только в приют?

– У нас не дом малютки, Маргарита Станиславовна. – Мужчина встал. – Мы не можем оставить её тут.

– Я хочу её удочерить!

Я выпалила это неожиданно не только для доктора, но и для самой себя. А, сказав это, поняла, что решила всё уже давно. Утром. Когда часы остановились.

– Вы, кажется, сошли с ума? – Доктор рассматривал меня как препарированное насекомое. Интересно, почему оно так дрыгает ножкой?...

– Наоборот, Иван Семёнович. Я в здравом рассудке. И я удочерю эту малышку, даже если для этого мне придётся умереть!

– Женщины всегда отличались нелогичностью.

– Мужская точка зрения. Сколько её будут здесь держать?

– До оформления всех бумаг.

– Иван Семёнович! – Я встала, опираясь на ледяную спинку кровати. – Умоляю вас, вы можете мне помочь?

– Вы и сами неплохо держитесь на ногах, – усмехнулся он.

– Вы можете задержать отправление девочки в дом малютки? – я пропустила колкость мимо ушей.

– Нет, Маргарита Станиславовна. – Арсеньев перевёл взгляд на старуху. – Я пришлю к вам медсестру, Марья Гавриловна.

– Иван Семёнович, пожалуйста! Ей там будет плохо! А я... я всё, что хотите, для вас сделаю!

Он взялся за ручку двери и обернулся ко мне. Чьи-то каблучки процокали мимо нашей палаты.

– Оформляйте временную опеку. Я... задержу. – И вышел.

Глава 6

– Ты сошла с ума, королева Марго? – телефонная трубка в моей руке недовольно дёрнулась голосом Фёдора.

– А других слов у тебя нет? – я устало откинулась на подушку. – Просто скажи – ты можешь мне помочь или нет?

– Ты же никого не любишь! Зачем тебе этот ребёнок? Тешить своё самолюбие?

Он заметно нервничал. Конечно, ведь это отразится на нашей работе!

– Это никого не касается, кроме меня! – Я упрямо сжала губы. – Так ты поможешь мне?

– А когда я тебя бросал? – выдохнул он через минуту.

Глава 7

– Вот смотрите, она там. Третья слева...

– Я знаю, Аня. Я могу туда войти?

– Скажите спасибо Ивану Семёновичу. – Её лицо покраснелось. – Не знаю уж, как вы его уговорили. Была бы моя воля...

– Я знаю, знаю, Анечка. Вы бы меня и на порог не пустили. Очень ценю вашу откровенность. – Я жутко волновалась.

– Она такая славная! – Девушка улыбнулась, посмотрев за стеклянную дверь. – Так жалко её.

– Никогда никого не жалейте, Анна. Жалость оскорбительна. Просто любите – этого будет достаточно.

– А вы кого-нибудь любите, Маргарита Станиславовна? – хмыкнула она.

– Василису. Я назову её Василиса. Чудное имя, правда?

– Вы... – Она долго смотрела в моё лицо. – Идите, Маргарита Станиславовна, скоро у них кормление.

Она лежала на спине и, не мигая, смотрела на меня.

– А носик у нас папин, а глазки бабушкины...

– Она вас не слышит. И не видит. – Из-за моей спины появилась незнакомая медсестра. – В таком возрасте они воспринимают окружающий мир в виде теней.

– Не буду с вами спорить. – Я-то знала! – А кто будет её кормить, пока... она здесь?

– Смирнова. – Она кивнула на соседнюю кровать. – Это её пятый ребёнок. Крепкая деревенская баба. И группа крови совпадает.

– Хорошо. – Я была не против. Нам нужно здоровое питание. – Спасибо вам.

– Смирновой спасибо скажете, – поджала она губы и отвела взгляд.

– И ей тоже... – Карман белого халата медсестры заметно оттопырился. Тётя Даша всегда говорила, что людям надо давать то, что они заслуживают. – Я вечером ещё зайду!

– Заходите, мамочка! – Голос её заметно подобрел.

Краем глаза заметив какое-то шевеление за стеклянной дверью, я резко оглянулась. Арсеньев. Задумчивый взгляд его был направлен на меня. Задерживаться доктор не стал – выйдя, я не застала ни его, ни Ани.

– Маргарита Станиславовна, если хотите, я могу приходить помогать с девочкой. Я умею обращаться с младенцами.

Аня сказала это небрежно, перестеливая соседнюю постель. Марью Гавриловну утром выписали.

– Спасибо, Аня. – Я постаралась вложить в голос максимум доброжелательности. – Если я не справлюсь, то обязательно вас приглашу.

Глава 8

Я посмотрела наверх и зажмурилась. Июльское небо плавилось в солнечных лучах. Сегодня будет жаркий день. Меня повело – когда я в последний раз была на улице?

– Что с тобой, Марго? Не рано ли тебя выписали?

– Всё в порядке, Фёдор. Давай я сама...

– Прекрати, не хватает только сейчас её уронить! Лучше залезай в машину.

– Маргарита Станиславовна!

Ко мне бросились какие-то люди. Солнце брызнуло мелкими осколками прямо в глаза.

– Ирина, Костик, вы зачем здесь? И Людмилу Павловну притащили!

– Вы такая молодец, Маргарита Станиславовна! Мы так гордимся вами!

– Вот ещё, выдумали! Ну-ка, марш на работу!

Но они меня будто не слышали.

– Какая хорошенькая! На вас похожа!

– Что ты несёшь, Ира! – Фёдор посмотрел на меня. А я улыбалась, как дура.

– Ну, правда же, скажите, Людмила Павловна?

– Лишь бы здоровенькая была! – возвестила опытная бухгалтерша, мать троих детей.

– Папаша, цветы забыли! – из дверей больницы выскочила

нянечка.

– Спасибо, Евдокия Ивановна!

Я перехватила огромный букет и открыла дверцу машины. На красное лицо Фёдора смотреть я не могла.

Глава 9

– Феденька, сколько лет я не брала отпуск?

– Царствующим особам отдых не положен по статусу.

– Тогда мне придётся отказаться от короны.

– Не глупи, Марго! – он поморщился. – Двух недель тебе хватит?

– Ты надеешься, что за это время я образумлюсь?

Он покраснел. Значит, я попала в точку.

– Я надеюсь, что за это время ты как раз успеешь найти няню.

Его рука нервно потянулась к карману.

– В этом доме больше не курят, Фёдор Васильевич!

Я встала. Мне не терпелось остаться наедине с малышкой.

– Ты очень похожа на свою мать.

– Поговорим об этой прекрасной женщине завтра, ладно, Фёдор? Я страшно устала, а нам с Василисой ещё купаться...

– Она бы тобой гордилась, Марго.

– А ты уверен, что мы говорим об одном и том же человеке?

– Мы с тобой никогда это не обсуждали, Маргоша, – он упрямо наклонил голову, – но...

– Не надо и начинать, ладно? – я выразительно посмотрела в тёмные глаза. – Этот разговор всё равно ни к чему не приведёт.

– Я знаю, что простить непросто, – тихо сказал он. – Иногда даже кажется, что невозможно. Но сильные люди должны быть великодушными, иначе они превращаются в слабых.

Я промолчала.

– Может быть, мне всё-таки остаться, Марго? Мне совершенно не нравится, как ты выглядишь.

– Ты же знаешь, Федя, я быстро восстанавливаюсь. Горячий кофе и холодный душ поставят меня на ноги.

– Я завтра Иру с памперсами пришлю. И с детским питанием.

– Спасибо тебе за всё, Федя. Спасибо.

– Я ведь тебя люблю, девочка моя, – уходя, он невесомо скользнул рукой по моему плечу.

– И я тебя... – прошептала я уже в пустоту.

После смерти моей матери Фёдор так и не женился. Время от времени я узнавала об очередной женщине, появляющейся в его жизни, но каждый раз его хватало ненадолго. Я не знаю, что не устраивало моего отчима. На мой взгляд, это были вполне сносные бабы; нескольких из них я видела лично, и все они были похожи между собой, как колёса одного автомобиля. С любой из этих курочек его бы ждала сытая и спокойная жизнь. Но Фёдор, видимо, думал иначе. Примириться с фактом, что он до сих пор любит мою мать, я не могла.

– А ты способна на такое чувство?

Я взглянула в зеркало, висящее в прихожей. После

нескольких недель больницы от моего лица осталась бледная тень. А ведь мне никогда не давали моих лет. По шее пробежал холодок – наверное, в комнате распахнулась форточка. Василиса чихнула, а у меня засвербело в носу. Я обернулась. Детские глаза с недетской тоской смотрели прямо на меня. И вот тут я, наконец, потеряла сознание.

Глава 10

– Маргарита Станиславовна, я гляну расписание электричек, ладно?

Я не успела ничего сказать. Ирка оказалась быстрее меня.

– Ой, вы тоже эзотерикой увлекаетесь? – её глазёнки восторженно блеснули. – Обожаю такие штучки! Магия, гадания, предсказания – меня просто дрожь берёт от всего этого! И про реинкарнацию я много читала!

Она ткнула пальчиком в экран монитора. Кровь опалила мои щеки мгновенным выбросом.

– Ты хотела расписание посмотреть, Ира? – я отвернулась к кровати.

– Да-да, извините, – она вздохнула. – Меня же дома ждут...

Глава 11

Из меня вышел бы отличный учёный! Эксперименты, которые я ставила в эти дни на себе, сделали бы честь любому исследователю. Только результат этих безумных действий никак не мог меня устроить. И однажды я не выдержала. Оставив Василису на несколько минут одну, я сбегала в ближайший магазинчик и приобрела там бутылку коньяка. Надеюсь, этого хватит, чтобы счастливо провести хотя бы один вечер. Вернувшись, около своей двери я обнаружила доктора Арсеньева.

– Нечаянная радость, – пробормотала я, заводя руку с сумкой за спину. – Здравствуйте, Иван Семёнович. Чем обязана?

– Мне нужно с вами поговорить, Маргарита Станиславовна.

– Приходите завтра, сегодня у меня не приёмный день.

Я не могла вытащить ключи, иначе он бы всё понял.

– Это невозможно. Вам придётся впустить меня, Маргарита Станиславовна, независимо от того, хотите вы этого или нет. Речь пойдёт о вашем ребёнке.

– Тогда отвернитесь.

– Что??

– Вот такой у меня каприз! Отвернитесь, и я открою дверь. Или никак.

– Вы взбалмошная особа, – он всё-таки повернулся. – Мало вас пороли в детстве.

– Некому было. – Я ловко достала ключики, умудрившись не звякнуть ими по стеклу. – Мамаше не до меня было, а бабуля меня жалела. Прощу, Иван Семёныч. Тапки на полочке, а я пойду чайник поставлю.

И я улизнула на кухню. Меня трясло. Ну вот, а ведь я ещё трезвая.

– У вас очень уютно.

– Благодарю. Считайте, дань вежливости вы отдали, а теперь слушаю вас внимательно. Вам сколько ложек сахара?

– Три. Она очень похожа на вас.

– Кто? – Я сделала глоток и обожгла губы – чай был нестерпимо горячий.

– Не прикидывайтесь дурочкой. – Он невозмутимо водил ложечкой по дну чашки. – У вас это плохо получается.

– Да? А в детстве мне прочили карьеру актрисы. Неужели учителя ошибались?

– Я хочу знать правду.

– О моём несостоявшемся таланте?

– Маргарита Станиславовна! – он нахмурился. – Вам придётся мне всё рассказать.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Вам ведь больше не с кем поделиться. Или я не прав?

Он, не отрываясь, смотрел мне прямо в глаза. Я не дрогнула.

– О чём вы говорите, Иван Семёнович?

– Я очень неплохой хирург, Рита. А у хирургов чертовски развита интуиция.

– Не называйте меня этим именем!

– Так обращалась к вам ваша мама?

– Вы страшный человек, Иван Семёнович. Но я вас не боюсь.

– Такие женщины, как вы, боятся только одного. – Он сделал паузу. – Саму себя.

– Зачем вы пришли, Иван Семёнович?

– Я пришёл помочь вам, Марго.

– Если я вам всё расскажу, вы упрячете одну из нас в психушку, а вторая сойдёт с ума в приюте.

– А если вы откажетесь от моей помощи, одна из вас сопётся быстрее, чем попадёт в весьма уважаемое мной заведение. – Он улыбнулся, бросив красноречивый взгляд в сторону кухни.

– Черт вас возьми!

Я призадумалась. Чем мне грозит моё откровение? Самое страшное, что может произойти, – доктор сочтёт меня сумасшедшей, но я ведь всегда смогу отказаться от своих слов!

– Ладно, ваша взяла! – Я встала и подошла к кроватке. Василиса сладко спала. Я могла и не проверять, ведь я и так это знала. – Иван Семёнович, скажите, вы верите в Бога?

Я обернулась. Он, кажется, ничуть не удивился моему странному вопросу.

– Как доктор медицинских наук я бы мог сказать, что не верю, но как практикующий хирург – спорю сам с собой. Сначала я врач, Маргарита Станиславовна, а уже потом учёный.

– А что такое душа в вашем понимании, Иван Семёнович?

– Какой у нас неожиданный разговор получается, Марго, – он удобнее устроился на диване. – Что ж. Я думаю, что душой можно назвать некую бессмертную субстанцию, которая присутствует в любом живом теле.

– Она одна и та же, эта субстанция, на все живые формы? Или в каждом теле своя?

– Хм. Если не брать за постулат ныне модную теорию о бозоне Хиггса, так называемой частице Бога, то я могу сказать, что в каждом теле – своя, индивидуальная сущность. Да, думаю, так.

– Вы слышали что-нибудь о реинкарнации, Иван Семёнович?

– Естественно. Это переселение душ. После смерти одного тела душа воплощается в другом. Если не ошибаюсь, эта теория в ходу в индуизме, ну и ещё в ряде религий.

– А может такое быть, что душа вселяется не в одно тело, а сразу в два? – небрежно сказала я и сжала рукой перекладину кровати.

– Помилуйте, Марго, это уже какой-то абсурд! Это совершенно невозможно!

– Значит, мне все-таки придётся лечь в психушку.

Я не торопясь вернулась на своё место. И замолчала.

– Но... – Он нахмурился. Взгляд его пробежал с меня на спящего ребёнка и обратно. – Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

– Вы абсолютно правы, Иван Семёнович. Жаль, что согласиться с вами я не могу. Уж извините.

– Что вы хотите этим сказать, Маргарита Станиславовна? В его голосе я расслышала растерянность. Очень хорошо его понимаю.

– Всё, что хотела, я уже сказала, Иван Семёныч! – я в упор на него посмотрела. – Предупреждаю, я откажусь от своих слов сразу же, лишь только вас посетит прекрасная мысль упрятать меня куда подальше. С глаз долой – из сердца вон.

– Но... – Он выглядел довольно обескураженным.

– Я и не ожидала другой реакции от вас, Иван Семёнович. Ладно, забыли. Если вам хочется сейчас уйти, не останавливайте себя в столь разумном порыве. Да, и вот ещё что... Я не буду на вас в обиде.

– Подождите! – вскричал он. – Вы что же, хотите сказать, что вы и девочка... что у вас обеих...

– Да, Иван Семёнович. У нас с Василисой одна душа на двоих. Именно это я и хочу сказать. И что, вы все ещё желаете нам помочь? – Я невесело усмехнулась.

– Так вы, наверное, шутите! – он нервно рассмеялся. – А я, старый пенёк, повёлся. Ведь меня же предупреждали о вашем...

Я резко вскинула правую руку вверх. Доктор отшатнулся от меня и замолчал. Его взгляд переметнулся на детскую кроватку. Василиса, словно опытная синхронистка, повторяла все мои движения, не сбившись ни разу. Я думаю, со стороны это выглядело даже смешно. Правда, господин Арсеньев так, видимо, не считал. В его глазах стоял самый настоящий ужас. Как будто перед его ногами вдруг разверзлась глубокая чёрная пропасть.

– Давайте свой коньяк! – через минуту потребовал он.

– Давно пора, – пробормотала я и поспешила на кухню.

Когда я вернулась, доктор стоял около кровати и внимательно рассматривал маленькое сопящее существо.

– Ищете ниточки? – весело заметила я, расставляя рюмки на столе. Мне почему-то стало очень легко. Не зря психологи советуют выговориться как следует. – Извините, лимона нет, придётся сыром закусывать. Ну ничего, к следующему вашему визиту я подготовлюсь основательнее.

Руки у доктора слегка дрожали. Он выпил первую рюмку одним махом, с минуту помолчал, вслушиваясь во что-то внутри себя, а затем разлил ещё по одной. Его уверенность пришлась мне по душе.

– Хорошо пошло! – отдала я дань застольному этикету и блаженно откинулась на спинку дивана. Горячая нега разливалась по моему организму. И зачем я так долго тянула? Интересно, а не скажется ли это на Василисе? Да нет, я ведь не кормящая мать! – Ну что, Иван Семёнович, весёлая ночка

вам теперь обеспечена?

– Рассказывайте, Марго! Более внимательного слушателя вы вряд ли теперь найдёте.

– Сначала ответьте на мой вопрос, доктор. Как долго длилась моя клиническая смерть?

– Три с половиной минуты.

– И в это же самое время в соседней операционной рожала Надежда?

– Я не понимаю, к чему вы ведёте! – нервно дёрнулся он. – Да, да, ваша Василиса родилась именно в эти минуты. Но это просто совпадение!

– Это безумное, чудовищное совпадение! В одной комнате умирает женщина, в другой рождается невинное существо. Но что-то пошло не так, да, Иван Семёнович? Что случилось при родах? Вы ведь наверняка знаете это.

– Асфиксия вследствие обвития пуповиной. Это можно было предотвратить, если бы Надежда наблюдалась у врача. Но она попала к нам с улицы и не имела при себе никаких документов. Роды были стремительные...

– И закончились бы плачевно, если бы не я.

– Вы что же, хотите сказать, что каким-то образом ваша душа...

– ...попала в тело этого несчастного ребёнка, а затем, почувствовав, что её тянет назад, стала отчаянно метаться, никак не решаясь сделать страшный выбор. В итоге она совершила невозможное – разделилась на две части, и вскоре мы

с Василисой пришли в себя.

– Такого бреда я в жизни не слышал! Наверняка, можно найти разумное объяснение всем этим... этим... странностям!

– Этим?

Я сложила ладони вместе. Василиса отреагировала ментально. Жуткое зрелище, я вам скажу, грудной младенец в позе молящегося.

– Наливайте, Марго!

Он опрокинул в себя ещё одну рюмку.

– Когда вы начали о чём-то догадываться?

– Мне снились сны, Иван Семёныч. Странные сны. Как будто я новорожденный младенец, а рядом со мной – самое родное для меня существо, моя мамочка... Я списывала эти сны на своё состояние – все-таки мне впервые довелось пройти через хирургическую операцию, – но потом я услышала разговор в коридоре... – Я влила в себя остатки медовой жидкости и протянула пустую рюмку за следующей порцией. – Не скупитесь, господин доктор, когда мне ещё придётся так расслабиться!

– А на ребёнке это никак не отразится? – он с опаской взглянул в сторону кровати.

– Вот и проверим, Вансемёныч! – хохотнула я и хлопнула его по плечу.

– О, да вас совсем повело, моя дорогая! Вы что, ничего не ели сегодня?

– Вы знаете, Вансмёнч, – я заглянула в его прекрасные глаза. – Я так счастлива, что вы пришли, так счастлива! Ко мне ведь никто не ходит... ик... в гости, только этот... папаша и ещё эта... как же её...

– Я теперь вас часто буду навещать, Марго.

– Правда? Вы просто душка, Вансмич, дайте я вас расцелую за это!

Глава 12

Проснулась я от детского крика. Мне не с первой минуты удалось осознать, кто я и где нахожусь. Какой-то крепкий мужичок суетился возле Василисы. Ба, да это же Арсеньев! Какого чёрта он делает в моем доме?

– Вы пришли, чтобы вылечить мою больную голову, Иван Семёнович?

Я сжала гудящие виски. Нестерпимо хотелось пить.

– Где у вас памперсы, Марго? Ваш ребёнок очень привередлив, не желает лежать в мокром.

– Господи, сколько же я спала? – вдруг ужаснулась я, всё вспомнив. – И который вообще час?

– Восемь утра. На первый завтрак вы уже опоздали.

– Восемь?! – Я нецензурно выругалась. А что, могу себе позволить, я у себя дома! – Так она же голодная!

– Не голоднее вас. Ночное и утреннее кормление мы не пропустили.

– Мы?

– У меня двое детей и одна внучка, уж поверьте, Маргарита, разводить сухие детские смеси я умею.

– Ох!

В совершенном смущении я кинулась к упаковке с памперсами, лежащей в платяном шкафу. Значит, пока я, назююканная до беспамятства, валялась на диване, доктор, как

любящий папаша, ухаживал за моим чадом? И я ещё хотела напиться в одиночку??

– У вас есть огуречный рассол, зелёный чай или минералка, Марго?

– Минералка вроде бы оставалась... – Я облизнула пересохшие губы.

– Я сам поменяю памперс, а вы марш за водой! – непре-рекаемым тоном сказал он. – И примите контрастный душ. Помогает. Идите, идите уж!

– Спасибо, Иван Семёныч! Вы настоящий друг!

Я бросилась на кухню, по пути вспоминая, что я такого могла наговорить доктору ночью. В памяти остались только какие-то обрывки. Будем надеяться, что я вела себя доста-точно прилично...

– Вода – это жизнь!

С этим неоспоримым утверждением я вышла из ванной, одетая в жёлтый махровый халат, и с полотенцем, закручен-ным на голове. Дышать стало значительно легче.

– Вот теперь вы похожи на человека! – с улыбкой заметил доктор.

– Мне даже не хочется вас спрашивать, на кого я была по-хожа раньше, – благодушно сказала я, и тут раздался звонок в дверь. Кого это принесло в такую рань?

– Вы кого-то ждёте? – удивился Арсеньев, продолжая по-качивать Василису на руках. Ему очень шла роль заботливо-

го дядюшки.

– Вроде нет.

Я пожалала плечами и направилась в прихожую. На пороге квартиры стоял мой отчим с какой-то пожилой дамой рядом. Я отступила назад.

– Познакомься, Марго, это Арина Родионовна.

– А вашего Сашеньки здесь нет!

– Очень смешно! – Фёдор переступил порог, увлекая за собой незнакомку.

– Может быть, ты мне объяснишь, что происходит?

– Арина Родионовна – опытная няня. Она будет смотреть за ребёнком.

– Вот как? – я скрестила руки на груди. – А разве я просила об этом?

– Фёдор Васильевич сказал, что вам нужна няня! – громко протрубила гостя. Да, решительности ей не занимать!

– Извините, Арина Родионовна, но... – я обернулась на шаги.

– Иван Семёнович? – удивился Фёдор. – А вы что тут делаете?

– Василису укачиваю, – невозмутимо ответил доктор. – Здравствуйте, Фёдор. И вам, Арина Родионовна, моё почтение. Как ваша печень, больше не шалит?

– Не шалит, доктор... – пробормотала тётка, тут же подрастеряв свой боевой пыл, и вжалась в стену.

– Вы решили сменить вид деятельности, а заодно и имя,

дорогая Зоя Петровна? Похвально, очень похвально! – Арсеньев усмехнулся.

– Ну, раз няня вам больше не нужна, я, пожалуй, пойду...

Дама быстро ретировалась, только мы её и видели. Фёдор недоуменно поднял брови.

– Я что-то ничего не понял.

– Где ты её взял, Федя?

– В агентстве. Мне порекомендовали её как очень ответственного и опытного человека.

– Только опыт этой милой дамы лежит в другой области, – хмыкнул доктор. – И никак не имеет отношения к воспитанию детей.

– Ты что, не увидел, что она любит закладывать за воротник?

– С чего ты взяла, Марго? – Фёдор нагнулся за тапочками. Шея его покраснела. – Мне она показалась вполне достойной женщиной.

– Вот именно, показалась, – многозначительно произнесла я. – И ей ты хотел доверить мою Василису?

– Ну ладно, признаю свою ошибку! – Он быстренько переобулся и прошёл в комнату. – Иван Семёнович, а вы мне так и не сказали, что вас к нам привело.

– Ко мне, – тихо пробормотала я.

Но Фёдор услышал. Он уже внимательнее взглянул на меня, оценил мой легкомысленный наряд, распаренное лицо, и глубокая складка прорезала его лоб.

– А разве я не могу навестить свою пациентку, Фёдор Васильевич?

Арсеньев осторожно переложил заснувшую Василису в кроватку и повернулся. Взгляд его был прямым и строгим.

– Ну почему же... – смутился Фёдор. – Конечно, можете. Просто я не ожидал увидеть вас, да ещё в такое время...

– Иван Семёнович оставался на ночь, – небрежно произнесла я. – Федя, сварить тебе кофе?

– Свари.

Кажется, он хотел сказать совсем другое, но сдержался. Только взгляд его стал каким-то беспомощным.

– А вам, Иван Семёныч?

– Спасибо, Маргарита Станиславовна, я уже дома попою. Прощу прощения, но мне пора.

– Надеюсь, вы не из-за меня уходите?

– Ну что вы, Фёдор Васильевич! Маргарита Станиславовна, вы не помните, куда я положил свой портфель?

– Он в прихожей.

– До свидания, Фёдор Васильевич.

– Всего доброго, Иван Семёнович.

– Я вам позвоню, Маргарита! – на прощание сказал доктор.

Я закрыла за ним дверь.

– Ну что ты на меня так смотришь, Марго?

– Федя, скажи мне, пожалуйста, ты обо мне заботишься или о своей чёртовой работе?

– Послушай, девочка, ты ведь очень устала! – он приобнял меня за плечи. – Ну что плохого в том, что тебе будет помогать няня, а? Это ведь не навсегда!

– Я ненавижу, когда ты говоришь со мной таким тоном! – отрезала я и отстранилась. – Если мне нужна будет помощница, я сама этим займусь. А тебе не пора на работу?

– Неужели тебе ещё не надоело меня упрекать? – он опустил руки. В глазах его плескалось что-то неуловимое. – Когда ты уже простишь нас, Марго? Прошло двадцать пять лет! За убийство меньше дают!

– За убийство? – у меня перехватило дыхание. – Убийство – это когда ты каждый день ждёшь, что увидишь свою маму, а мамочка в это время прыгает с кровати на кровать в поисках очередного удобного мужчины, вот что такое убийство! А ещё когда твой первый враг Серёжка Изотов караулит тебя у школьных дверей и на глазах у всех разрезает в лохмотья твоё платье, потому что знает, что защищать тебя просто некому! И когда самое ласковое слово, которое ты можешь услышать от своих друзей со двора – наша сиротинушка, потому что именно так называют тебя их родители!

Дальше я говорить не могла. Я стояла посреди комнаты с побелевшими костяшками на сжатых кулаках, злая, красная и ненавидела себя за те слова, которые сейчас из меня выплёскивались. Сколько тысяч раз я клялась сама себе, что никогда никто не услышит их от меня, потому что никто не должен видеть моей слабости!

– Я пытался быть хорошим отцом, – тихо сказал Фёдор. – Но ты возненавидела меня в ту же секунду, как я переступил порог твоего дома. Ты и сейчас не можешь меня простить за то, что я любил твою мать.

– Ха-ха! Только ты ей не нужен был, ведь она бросила и тебя!

– Ты права, меня ждут на работе.

Он снял со спинки стула свой пиджак и несколько раз пытался вдеть руку в рукав. Я молча наблюдала за ним. Что-то горячее поднималось внутри меня, что-то такое, о чём я давно позабыла, и я вдруг с ужасом поняла, что сейчас произойдёт! В последний раз я плакала в детском саду, я это точно помню. Даже когда я стояла на школьном крыльце с изрезанным платьем и оплётанной душой, я чувствовала в себе только жгучую ненависть и жажду отмщения, но никак не слёзы!

Так и не взглянув в мою сторону, Фёдор вышел в коридор и всё так же молча принялся обуваться. Я сдерживалась изо всех сил. Завязав шнурки, он выпрямился, взял в руку портфель и только тогда посмотрел на меня. Неотрывным и долгим взглядом. Дышать мне становилось всё труднее.

– Я больше не побеспокою тебя, Марго, – негромко сказал он и вышел.

Я стукнула кулаком в стену. И не надо меня беспокоить, никогда! Пропадите вы все пропадом!

– Что с вашим голосом, Маргарита Станиславовна? Вы простыли?

– Нет, Иван Семёнович, я здорова, как стадо быков.

Я мрачно смотрела прямо перед собой. На душе было гадко.

– Марго, – голос доктора стал вкрадчивым. – Я очень хочу познакомить вас с одним умным человеком, который, возможно, поможет нам взглянуть на проблему с другой стороны.

– Дайте я попробую догадаться, – усмехнулась я. – Одно из двух: или это психиатр, или священник. Судя по нотке вины в вашем голосе, я склоняюсь к варианту мозгоправа.

– Маргарита Станиславовна! Вы же понимаете, что я всего лишь хирург, и глубинные процессы, происходящие в человеческой психике, мне не подвластны! А Арнольд Вениаминович на них, можно сказать, собаку съел.

– Так он извращенец?

– У вас тонкое чувство юмора, Марго, и я это очень ценю, но мне бы хотелось, чтобы вы всё-таки встретились с этим человеком. Он один из лучших специалистов в мире, и если кто и сможет объяснить, что с вами происходит, то только он. Прошу вас, согласитесь на встречу! Обещаю вам, что ни одна живая душа об этом никогда не узнает.

– Я знала, что вы тоже предадите меня, Иван Семёнович. – Я опять почувствовала горячий комок, подкатывающий к моему горлу. – Пожалуйста, больше никогда мне не звоните.

Никогда. Прощайте.

Я нажала кнопку отбоя. А затем отключила телефон совсем.

Глава 13

На несколько дней мы с Василисой отгородились от всего. Я уже начала привыкать к двойственной странности своего сознания. Меня даже не пугали моменты, когда пространство вдруг представало передо мной в виде расплывчатых образов и цветных пятен. Василиса росла. Её организм впитывал в себя окружающий мир, исследовал его, анализировал, расчленяя на децибелы звуков и оттенки запахов и складывая в другом, понятном только ей, порядке. Я училась жить вместе с Василисой. Я менялась вместе с ней. Вода в двух сообщающихся сосудах постепенно смешивалась...

Как ни старалась я отвлечься от внешнего мира, но мысли о нашем будущем волновали меня всё больше. Что будет со мной, когда у ребёнка начнёт проявляться осознанное отношение к действительности? Сможем ли мы обе жить полноценной жизнью, не подавляя другого и не перекрывая своей личностью, или одной из нас придётся спрятаться, уйти в тень, а может быть, и вовсе исчезнуть? И ещё одна мысль постоянно вгрызалась в мой и без того обеспокоенный ум: а вдруг я всё-таки сошла с ума? В интернете мне попала на глаза статья о раздвоении личности. Возможно, Арсеньев был прав и все мои предположения о переселении половинки моей души в детское тело – просто бред и абсурд? А правда состоит в том, что у меня самое обыкновен-

ное психическое заболевание, случившееся на почве клинической смерти. Ведь что такое по большому счёту клиническая смерть? Полное отключение функций мозга на некоторое время. Возможно, оно и повлияло таким образом, что пришла в себя я уже с отклонениями от нормы. Идиотка, одним словом.

Доктору я позвонила сама.

– Ваш гениальный врач выезжает на дом или придётся ехать к нему? – без предисловий начала я.

– Рад слышать ваш голос, Маргарита Станиславовна! – тепло ответил Арсеньев. – Нет, он принимает только у себя в кабинете, это его принцип. Но если вы хотите, чтобы о вашем визите никто не узнал, я могу попросить его...

– Не надо ни о чём просить, я приеду к нему сама. Мы приедем. Ведь Василису лучше взять с собой?

– Думаю, да. На какое время договориться о встрече? Я сейчас же позвоню Арнольду Вениаминовичу.

– Если можно, на завтра. Хочется уже покончить с этим раз и навсегда.

– Завтра и у меня свободный день. Вы же не будете возражать, если я тоже поприсутствую?

– Мне всё равно. Жду вашего звонка, Иван Семёнович.

Глава 14

Арнольд Вениаминович Левандовский, профессор, доктор медицинских наук, как явствовало из таблички на двери кабинета, оказался плотным, крепко сложенным человеком в очках и с аккуратной седой бородкой, лет пятидесяти пяти, с внимательным взглядом тёмных глаз и размеренными спокойными движениями. Ни одного лишнего суетливого жеста. Я умею распознавать профессионалов. В этом человеке чувствовался полёт высочайшего класса, не увидеть этого – значило быть слепым. На появление дамы с грудным младенцем на руках он не выказал ни малейшего удивления. Возможно, Арсеньев всё же подготовил его к разговору, хотя и клялся, что ни слова обо мне не произнёс. Но я ему больше не верила.

– Вы позволите? – спросил хозяин и довольно ловко принял у меня Василису, покурлыкал с ней весело, чем весьма задобрил моё сердце, и устроил на широкой кушетке, обложив по бокам упругими подушками. – Красавица! У меня ведь тоже такое чудо в доме живёт, знаете ли.

– Дочка? – спросила я.

– Внучка! – гордо ответил бородач. – Сонечка, что вполне соответствует её характеру. Спит, даже когда ест. А ты, крошка, даёшь своей маме выспаться?

Он улыбнулся Василисе. Я посмотрела на Арсеньева. Что

пряталось в его глазах, я разобрать не смогла.

– Она мне не родная дочь, доктор. Её мать умерла через несколько дней после родов.

– Врождённый порок сердца, – пояснил Арсеньев. – Ей нельзя было рожать. Но...

– Я понимаю. И вы её удочерили, Маргарита Станиславовна? Она вам кто, племянница?

– Маргарита Станиславовна лежала в моей клинике, когда девочка...

– Позвольте, я сама обо всём расскажу, Иван Семёнович, – сухо прервала я Арсеньева.

– Конечно, Маргарита Станиславовна, – тонко улыбнулся тот и откинулся на спинку.

Я перевела взгляд на психиатра. У него не дрогнула ни одна мышца лица. Завидная выдержка у этих медиков! Посмотрим, как вы будете смотреть на меня через полчаса, Арнольд Вениаминович!

– Во время операции у меня остановилось сердце... – я сразу взяла быка за рога.

Я испытующе наблюдала за Левандовским на всём протяжении моего чёткого рассказа. К чести его должна сказать, что ни разу на его лице не появилось выражения недоверия или удивления. Взгляд его по-прежнему оставался внимательным, он кивал, как будто был согласен с каждым моим словом, и такое отношение, конечно, не могло не отразиться на мне. Понемногу моё колючее напряжение стало смяг-

чатся, голос стал живее, и к концу моего повествования во мне даже забрезжила надежда, что, может быть, всё не так уж и плохо в датском королевстве?

– А потом я решила, что у меня обычное раздвоение личности, – на этих словах я улыбнулась, – и потому попросила Ивана Семёновича познакомить меня с хорошим психиатром. Вот, собственно, и вся история.

Совершенно успокоенная, я замолчала.

– Не могу не заметить, Маргарита Станиславовна – вы прекрасная рассказчица! – живо воскликнул хозяин кабинета. – А ваше чувство юмора меня очаровало необычайно!

– А вот Ивану Семёновичу не нравится, как я шучу, – усмехнулась я.

– Уверен, вы ошибаетесь! Просто у вашего доктора очень сильно развит дух противоречия.

– Это я уже заметила. – Мой взгляд скользнул по ухмыляющейся физиономии Арсеньева. – Арнольд Вениаминович, что же вы мне скажете? Что со мной происходит? И как мне жить дальше?

– А вы могли бы мне продемонстрировать, так сказать, вашу связь с девочкой? Если это возможно, конечно!

– Разумеется, доктор.

Я сосредоточилась. Со всё возрастающим изумлением Левандовский следил за нашими с Василисой манипуляциями. Почему-то сегодня мне было значительно легче, чем в прошлый раз. Вдохновение, наверное. Или опыт, что по сути од-

но и то же.

– Невероятно! – психиатр даже вскочил со своего места и уселся на кушетку рядом с ребёнком. – А скажите, Маргарита, вы чувствуете, к примеру, когда девочка хочет кушать или, пардон, намочить пелёнки?

– Не явно и не всегда. Так, какое-то лёгкое дуновение.

– Так-так-так. – Он склонился над Василисой. – А вы можете видеть её глазами?

– Я смогу увидеть только на очень маленьком расстоянии. Сантиметров тридцать, не больше. И не чётко. Вы же знаете, что первые несколько месяцев грудные дети воспринимают окружение в виде расплывчатых пятен.

– Да-да, я знаю...

Он выпрямился. В его взгляде, направленном на Василису, появилось вдруг что-то такое, что мне совсем не понравилось. Не уверена, но мне показалось, что Арсеньев тоже как-то поскущел.

– Арнольд Вениаминович, вы можете мне сказать, что мне теперь делать?

– Прежде всего перестать беспокоиться и продолжать жить! – бодро отозвался он, вновь усаживаясь в своё кресло. – Нам же с вами нужно будет ещё несколько раз встретиться. Вы же понимаете, Маргарита, что история ваша необыкновенна и требует точно таких же необычных способов её разрешения. Давайте сделаем так: я попрошу вас прийти ко мне, скажем, послезавтра, за это время я полистаю

кое-какую литературу, поразмышляю, и мы с вами ещё раз побеседуем. Думаю, что в присутствии доктора Арсеньева уже не будет необходимости. Ну что, договорились, Маргарита Станиславовна?

– И вы сможете нам помочь?

– В мире нет ничего невозможного, дорогая моя! – воодушевлённо воскликнул он.

– Хорошо, Арнольд Вениаминович, тогда до послезавтра. В какое время мне подойти?

– Да можете прямо с утра, вам удобно будет?

– Думаю, да.

– Всего доброго, Маргарита! Иван, а ты задержись буквально на секунду.

– Маргарита, я могу вас о чём-то попросить?

Арсеньев обернулся ко мне. Он довёз нас до дома всего за каких-то двадцать минут. Машин на улицах было мало.

– Слушаю вас, Иван Семёнович.

– Я понимаю, что вы всё равно сделаете по-своему, но всё-таки...

– Говорите уж, не тяните, Иван Семёнович, – поморщилась я.

– Вы можете больше не посещать Левандовского?

– Как?! – вот уж этого я никак не ожидала от него услышать! – Этого гениального психиатра? Единственного человека в мире, который в силах мне помочь?!

– Я очень прошу вас, Марго! – он будто не заметил моей язвительности. – Он вряд ли сможет быть вам полезен.

– Почему вы так решили, Иван Семёнович? Мне он показался очень умелым специалистом, профессионалом с большой буквы «п». И душа у него добрая, это сразу видно. Вы, наверное, просто ему завидуете.

– Я??

– Ну а кто, я, что ли? Он успешный врач, профессор, у него своя клиника в центре города, небось деньги гребёт лопатой, а вы обычный хирург в районной больнице... – Я знала, что меня понесло, но, как всегда в такие моменты, не могла себя сдерживать. – У вас, наверное, и кабинета отдельного нет!

– Вы всё сказали, Маргарита Станиславовна? – не меняя тона, спросил он.

– Пока всё.

– А теперь послушайте меня. Меня не интересует, что вы думаете обо мне и моей жизни. Единственное, о чём я волновался и буду волноваться всегда – о здоровье моих пациентов. Так вот, госпожа Громова, если вы не хотите стать подопытным кроликом в экспериментах, я советую вам воздержаться от дальнейших посещений профессора Левандовского. Надеюсь, вы меня услышали, Маргарита Станиславовна?

– Я вас услышала, Иван Семёнович, – буркнула я.

– Отлично. А теперь я провожу вас.

Он довёл нас до квартиры и остановился, ожидая, пока я

открою дверь. Василиса крепко спала на его руках.

– Зайдёте, Иван Семёнович? – небрежно поинтересовалась я, забирая девочку.

– В этом нет смысла. – Он посмотрел мне в глаза. – Прошу вас, Марго, не поддавайтесь искушению показать свой характер. Ни к чему, кроме разочарования, это вас не приведёт. Будьте благоразумны, ведь вы теперь в ответе не только за себя! Если я вам понадобится, мой номер у вас есть. Всего доброго.

– До свидания, Иван Семёнович. И... спасибо вам.

Глава 15

– Маргарита Станиславовна? – услышала я из трубки вежливый женский голосок.

– Да, это я.

– Екатерина Савельева, помощница доктора Левандовского. Вы не пришли на приём, Маргарита Станиславовна, у вас что-то случилось?

– Нет, то есть да, случилось! – я громко кашлянула прямо в трубку. – Я простудилась, Екатерина. Прошу прощения, что не предупредила профессора, сами понимаете, в таком состоянии трудно обо всём упомянуть.

– Да-да, конечно, я понимаю! Давайте тогда мы вас запишем на другой день! Когда вам будет удобно?

– Но я же не могу знать, когда выздоровею! – вполне разумно возразила я. – Лучше сделаем так, Екатерина, когда я пойду на поправку, то тут же позвоню вам сама, и мы обо всём договоримся, хорошо?

– Хорошо, Маргарита Станиславовна. Поправляйтесь! Всего вам доброго!

Надеюсь, господин профессор не будет очень настойчивым... Интересно, что такого он сказал Арсеньеву, после чего тот проникся к нему недоверием? Марго, ты и сама можешь ответить на этот простой вопрос, достаточно только вспомнить взгляд психиатра. Такой блеск в глазах я виде-

ла однажды у одного ведущего ток-шоу, когда внезапно на поверхность всплыли довольно пикантные подробности из жизни героев программы. Сенсация!!! – вот что значил тот взгляд! Нет, я совершенно не желала становиться объектом чьего-либо жадного внимания, даже если это внимание продиктовано благими намерениями мне помочь. Представляю, что бы сказал Фёдор, узнав обо всем! Фёдор... При воспоминании об отчине настроение моё испортилось. Что стоило тебе, Марго, промолчать в тот момент, чтобы не разрушить хрупкое равновесие, с таким трудом воздвигнутое между вами за эти годы! Когда ты уже научишься держать себя в руках, о своенравная женщина? Не поддавайтесь искушению показать свой характер... А доктор-то не глуп!

И всё-таки, что мне теперь делать? Дверь, в которую меня пригласили, оказалась западнёй, другой двери поблизости не наблюдается, не стену же ломать, в самом деле! Впрочем, Левандовский дал один дельный совет, которому я, пожалуй, и последую. Продолжать жить, ни о чём не беспокоясь – что может быть проще? И что может быть труднее... Ничего, начну с малого!

Светлана Юрьевна, моя соседка по лестничной площадке, была приятной дамой во всех отношениях. Имея за плечами большой педагогический опыт, она и к своим пятидесяти шести годам сохранила живость ума и бодрость движений. Светлана Юрьевна жила одна и была слегка стеснена в средствах, и я знаю точно – от моего предложения она вряд ли

откажется.

– Няней? – удивлённо переспросила она в ответ на мой вопрос. – Ты это серьёзно, Маргоша?

– Абсолютно серьёзно, Светлана Юрьевна! Лучшей воспитательницы для своей дочки я и представить не могу!

– Но я уже и забыла, как с такими маленькими обращаются!

– А это как катание на коньках, Светлана Юрьевна, стоит только вновь их надеть, и ноги сами покатаются. Да если бы мне предложили работать так близко от дома, я бы и секунды не сомневалась! Это же счастье!

– Счастье – это когда дом полон детей...

– Вот видите! Я вам это и предлагаю! Начнёте с одного, а там, глядишь, и детский сад организуем!

– Ну это ты, пожалуй, загнула! – рассмеялась она. – Ладно, соседка, я подумаю и вечером к тебе забегу.

– Договорились!

Как и обещала, Светлана Юрьевна появилась у меня, когда на улице зажглись первые фонари.

– Серьёзная она у тебя!

– Серьёзная, – кивнула я. – И тихая. Вот увидите, с ней у вас не будет никаких хлопот! Она ведь даже плакать как следует не умеет.

– Василиса, надо же! – соседка слегка качнула кровать. – Имя-то какое сказочное. Ну что ж, Маргаритка, так и быть, попробую тебе помочь. Но если вдруг у меня ничего не по-

лучится, ты уж не обижайся на старуху, ладно?

– Вы будете самой лучшей няней в мире, Светлана Юрьевна! – искренне воскликнула я.

Глава 16

– Ой, Маргарита Станиславовна, это вы! – всплеснула руками моя помощница, увидев меня входящей в приёмную.

– А чему ты удивляешься, Ирина? – я открыла дверь в свой кабинет и обернулась. – Фёдор Васильевич у себя, не знаешь?

– Вроде да...

– А если точнее?

– Да, Маргарита Станиславовна, ещё пять минут назад он был на своём рабочем месте! – отрапортовала девушка. – Позвонить ему?

– Я сама.

Я затворила за собой дверь и небрежно бросила сумку на жёлтый диван, стоящий у входа. Вот что значит месячное отсутствие на работе, уже чувствуется усталость. А ещё только утро! Мысли мои крутились возле Василисы. Не то чтобы я волновалась за неё, нет, но меня неумолимо тянуло домой. Ничего, привыкнешь, Марго, подбадривала я себя, стоит только погрузиться в рабочие проблемы, и забудешь обо всём.

Я нажала кнопку селектора.

– Ирина, подготовь все материалы по новым проектам. И сделай мне, пожалуйста, кофе.

Пока включался компьютер, я откинулась на спинку крес-

ла и закрыла глаза. И зачем я так рано вышла на работу? Можно было ещё...

– Маргарита Станиславовна! – позвал меня тихий голос. – А вам разве кофе можно? Может быть, лучше чаю? Зелёного?

– Если бы я хотела чаю, я бы так и сказала, Ира! – резко ответила я, выпрямляясь. – Что ещё за забота? Или я бледно выгляжу?

– Бледно, Маргарита Станиславовна, – совсем тихо прошептала она и покраснела.

– Ну вот что! – я свела брови вместе. – Антимонии будешь разводить с другими людьми и в другом месте. А сейчас будь добра, принеси мне крепкий кофе и налей себе тоже, если тебе нужно прийти в себя!

– Хорошо, Маргарита Станиславовна!

Дверь опять закрылась. Громко зазвонил внутренний телефон, заставив меня вздрогнуть. Забытые звуки...

– Громова слушает!

– Марго, так ты всё-таки в офисе? А я сперва не поверил.

– Да, Фёдор, я на месте. Собиралась к тебе зайти попозже, ты никуда не уходишь?

– Заходи прямо сейчас. Тут у меня как раз твой Туганов...

– Вот как? – я обрадовалась. Хоть одна хорошая новость за утро! – Бегу!

Идти, по счастью, было не очень далеко. Наша организация занимает три этажа современного офисного центра, и

наши с Фёдором кабинеты находятся в одном крыле, напротив друг друга, разделённые лишь просторным холлом. Мне нужно было просто пройти мимо оазиса в виде нескольких диванчиков, на которых сейчас, в утреннее время, никто не сидел, и завернуть за угол. Дверь в приёмную была открыта.

– Доброе утро, Серафима Яковлевна!

Я улыбнулась секретарше, немолодой тучной женщине с острым умом и необыкновенной памятью. Эта женщина помнила все. Она работала у нас с самого основания компании, и Фёдор доверял ей даже больше, чем самому себе.

– Рада видеть вас, Маргарита Станиславовна! Соскучились по работе? – она тонко улыбнулась.

– Ещё как! – Произнося эту фразу, я старалась не думать о том, что далась она мне не так легко, как обычно. – А давно у нас Михаил Сафарович?

– Минут пятнадцать. Как будто чувствовал, да? – её улыбка стала шире.

– Прямо телепатия, – согласилась я и, предупредительно постучав, открыла дверь.

Фёдор с Тугановым устроились за журнальным столиком в дальнем углу кабинета, на мягких красных креслах. Они одновременно повернули головы ко мне.

– Маргарет! – Туганов вскочил. – А мне этот охламон сказал, что ты заболела!

– Как же я рада вас видеть, Михаил Сафарович! – я обняла гостя. – А вы давно в Москве?

– Вчера приехал и сразу к вам! Ну-ка, дай на тебя посмотреть, красавица моя! А почему ты бледная такая? А? – он грозно посмотрел на хозяина кабинета. – Фёдор Васильевич, ты почему не смотришь за своей дочерью? Небось, опять работой загрузил нашу девочку?

– Я болела, Михаил Сафарович, не ругайте его! – я плюхнулась на соседнее кресло. Рядом с этим человеком мне всегда было легко и просто.

Туганов приходился отцом одному нашему клиенту, но за десять лет нашего с ним знакомства он превратился в настоящего друга и преданного моего поклонника. Ему было семьдесят пять лет, но выглядел он на пятьдесят. Всю свою жизнь он прожил в каком-то маленьком селении в Северной Осетии, родил – с помощью своей супруги, конечно! – пятерых сыновей и частенько приезжал в Москву к одному из них, самому старшему, через которого, собственно, и свела нас судьба.

– Говорил тебе, приезжай летом к нам, никакая простуда-мостуда к тебе потом целый год не прицепится!

– Марго операцию делали, месяц назад...

– Это скучно, Федя! – перебила я отчима. – Лучше расскажите свои новости, Михаил Сафарович! Как ваша Лиза?

Лизой звали русскую супругу старика, с которой они жили уже больше пятидесяти лет. А говорят, что межнациональные браки недолговечны!

– После того, как Асланчик привёз ей планшет, супругу

свою я потерял, – он скорбно покачал головой. – Зато интернет приобрёл ещё одного сумасшедшего пользователя. Представляешь, Марго, она оказалась заядлым игроком! Я просто не узнаю свою бабушку!

– Во что же она играет, Михал Сафарыч? – со смехом спросила я.

– В шашки режется! Говорит, что у неё рейтинг крутого профессионала, но я-то знаю, что это лишь измышления глупого бабьего ума. Думаю, что она и до начинающих не дотягивает...

– Похоже, вы тоже не прочь поиграть в онлайн-игры, да?

– Вот ещё! – фыркнул он. – Я предпочитаю живые нарды с живыми людьми на живой природе!

– У вас, наверное, сейчас такая красота! – мечтательно вздохнула я.

– У нас красота в любое время года! – Он вдруг внимательно взгляделся в меня. – Послушай, барышня, а что за операцию тебе делали, что ты до сих в себя прийти не можешь?

– Разве я плохо выгляжу, Михаил Сафарович?

– Если эту зелёную кожу и воспалённый взгляд можно назвать нормальным состоянием, то тогда ты неземная красавица. Ну что ты дёргаешься? Кто ещё тебе правду скажет, как не верный друг?

– Дорогой мой друг, если бы вы несколько недель просидели дома, тоже бы, знаете ли, медленнее по горам карабкались. А сегодня к тому же я не выпалась, Василиса нервни-

чала, плохо спала.

– Ты завела кошку?

– Я завела ребёнка.

– Не понял... – он вздёрнул брови. – Какого ещё ребёнка?!

– Марго удочерила девочку, – с непонятным мне выражением в голосе заявил мой отчим. – Я не успел тебе сказать, Миша.

– Ма хазар¹!

– Надеюсь, это не ругательство, Михал Сафарыч?

– Какие вы, москвичи, скорые! Два месяца меня тут не было, а уже такие головокружительные новости! Ну же, Маргарет, рассказывай, со всеми подробностями и без утайки!

Я и рассказала. История в моём изложении получилась краткая, ведь многие нюансы мне пришлось опустить.

– Знаешь, что больше всего меня порадовало, Маргаритка? – Туганов притянул меня к себе. – Что наконец-то твоя эмоциональная импульсивность, так долго прячущаяся где-то глубоко внутри, вышла наружу. Я всегда говорил твоему отцу: дождёмся мы ещё от нашей Снежной королевы какого-нибудь яркого финта. А, какой из меня прорицатель?

– Значит я – Снежная королева? – хмыкнула я.

– Только снаружи, милая. А сердце у тебя жаркое, раскалённое, но ледяные оковы, в которых ты его держишь, мешают увидеть твою истинную суть.

– А вы, значит, не только провидец, но ещё и ясновидец,

---

¹ Здесь: возглас удивления (от *осет.* – мае хадзаер).

Михаил Сафарович...

– Ох, Марго, и едкая ты штука! – он громко рассмеялся и посмотрел на свои часы. – А время-то бежит, однако. Давно заметил, что в Москве оно ведёт себя по-другому, торопится, спешит, а куда, спрашивается?

– Ты на сколько приехал, Миша?

– На несколько дней, Фёдор. Как же я старуху свою надолго оставляю? Иначе она без меня с голоду помрёт.

– Почему с голоду? – не поняла я. – У вас что-то случилось?

– Случилось! Интернет у нас случился и шашки без перерыва на обед, ужин и второй завтрак! Я же говорю, моя к старости совсем в детство впала, если её не потормозить, так и будет с планшеткой в руках сидеть!

– Сгущаете краски, дядь Миш!

– Наоборот, смягчаю! – Он легко поднялся. – Всё, друзья мои. Вечером, как обычно, жду в гости, а сейчас давайте прощаться. Георгий, небось, уже рвёт и мечет.

– Он ещё не привык? – усмехнулся Фёдор.

– А я не смогу к вам прийти, Михаил Сафарович! – спохватилась я. – Я ведь теперь не одна...

– Верно! – он явно расстроился.

Каждый его приезд мы собирались у Тугановых в их просторной квартире. Георгий, старший сын Михаила и наш постоянный клиент, всегда с радушием и щедростью принимал своих гостей. Жаль, что в этот раз я не увижу хлебосольное

семейство. Но, может, это и к лучшему. Усталость охватывала меня уже довольно ощутимо, какой же тогда выжатой я буду к вечеру? Вспомнив о своём самочувствии, я тут же, как по заказу, ощутила резкое головокружение. И даже упала бы, если бы не сильные руки нашего гостя.

– Девочка, что с тобой?

– Уже прошло, дядь Миш. Так, повело слегка с непривычки.

– Это не дело, Марго! – Фёдор нахмурился. – Я сейчас же отвезу тебя домой. Зачем ты вообще пришла сегодня?

– А кто за меня работать будет?

– Много ты наработаешь в таком состоянии! Отдыхай, пока возможность есть, никто тебя не подгоняет!

– Нет, тут не простой отдых нужен... – Туганов в задумчивости посмотрел на меня. – Фёдор, а не взять ли мне нашу девочку с собой?

– На Кавказ?

– Вы что, дядь Миш?! В самый разгар рабочего сезона?

– Кто о чём, а вшивый – о бане! – поморщился старик. – Забудь ты уже о своей работе, Маргарита Станиславовна! Когда ты последний раз отдыхала, ты помнишь?

– Вчера. И позавчера. И так уже несколько недель!

– О, женщина, Глупость тебе имя! Значит, так: вы с малышкой едете со мной, а о делах предоставим думать твоему отцу. Я правильно говорю, Фёдор Васильевич?

– Абсолютно, Михаил Сафарович!

– Да вы сговорились! – возмутилась я. – Я никуда не собираюсь ехать, зарубите это себе на ваших упрямых мужских носсах!!!

Глава 17

– Маргарита, вы где?

– На небесах!

– В каком смысле?

– В прямом, Иван Семёнович. Вокруг меня летают белые облачка, верите вы или нет.

– Легкомысленный тон вашего голоса наводит меня на мысль, что вы крепко поддали, Маргарита Станиславовна. Вы можете мне всё-таки открыть дверь? Я уже полчаса стою у вашей квартиры.

– Какого же вы мнения о моей персоне, ай-яй-яй, дорогой доктор! – я прикрыла ладонью глаза. – А зачем вы ко мне пришли?

– Убедиться, что у вас всё в порядке.

– У меня всё в порядке.

– Тогда откройте мне дверь. Я посмотрю на вас и сразу уйду.

– Тут нет никаких дверей, отвечаю вам, – я улыбнулась. – Ни одной. Есть только небо и летающие клочочки облаков. Вру, ещё какая-то птица промелькнула в воздухе, отсюда не разглядеть, какая. Вы разбираетесь в породах птиц, Иван Семёнович?

– Сознаться, Марго, сегодня в дело пошёл не только коньяк?

– Да я не в Москве, Иван Семёнович! – наконец рассмеялась я. – Я за две тыщи километров от нашей прекрасной столицы.

– Вы бежали за границу? Дайте я попробую догадаться... Скрываетесь от доктора Левандовского?

– Ваша интуиция хирурга на этот раз вас подвела! Пределы Родины я не покидала, хотя тут такие места, что трудно их сравнить с чем-то знакомым. Наверное, так выглядит рай, Иван Семёнович.

– И как вас туда впустили, Маргарита Станиславовна? – хмыкнул он.

– По блату, дорогой доктор, как же ещё!

– Умеее вы устроиться! И всё-таки, где вы?

– Я же говорю, в самом сказочном и благословенном месте на земле! И имя ему – Фиагдон! Алло, Иван Семёнович, вы что там, потеряли дар речи?

Я взглянула на экран телефона. Всё ясно, опять нет связи. Ещё удивительно, как доктор смог до меня дозвониться – за несколько дней, что я тут, мне удалось поговорить всего пару раз. Впрочем, я совершенно не страдала по этому поводу. Мир здесь был так наполнен жизнью и волей, что на какие-то мелочи в виде благ цивилизации отвлекаться и не хотелось. Я блаженно потянулась. Наверное, пора спускаться. Пока я, развращённая городским образом жизни, доковыляю до дома Тугановых, пройдет не меньше часа, мои тётушки могут начать беспокоиться.

Я обулась, скатала небольшой коврик в рулон, засунула его в полотняную сумку и, накинув на плечи кофту, медленно и осторожно начала спуск с горы...

Михаил Сафарович Туганов оказался на редкость упрямым мужчиной. Конечно, будь у меня побольше здоровья, я бы ни за что не поддавалась на его уговоры, но мне самой было немного страшновато ощущать в себе угасание сил. Возможно, всё дело было в моём душевном раздвоении, но об этом я приказала себе не думать. И так забот хватало. Последней точкой в принятии моего решения стала реплика старика о том, что горный воздух – самый целебный и Верхний Фиагдон поднимает на ноги даже безнадежных больных. Всей душой надеясь, что я вовсе не так безнадежна, я всё-таки решила на эту поездку. И сейчас об этом ни капельки не жалела.

Никогда раньше мне не приходилось бывать в таких местах. Ещё только выезжая из аэропорта на машине среднего сына Туганова, Казбека, и заворожённо рассматривая ослепительные в заходящем солнце белые пики гор, я поняла, что не зря поддавалась уговорам своего мудрого друга. Дорога к Фиагдону заняла всего часа два, но более насыщенного на эмоции времени я не помню. Это был другой мир, не сравнимый ни с чем, виденным мной ранее. И особенно ярко он показал себя в тот момент, когда закончилась трасса и мы повернули на неширокую, петляющую между нависающими

грядами, дорогу. Мне стоило огромных усилий не вскрикивать каждую минуту от восхищения перед невероятной, сказочной, космической красотой обступающих нас со всех сторон возвышенностей. Разве могла я когда-нибудь подумать, что горы могут быть такими разными, такими красочными? В узких участках дороги они почти полностью закрывали собой небо, и было в этом что-то такое, от чего восторженно сжималось сердце. Чем ближе мы подъезжали к посёлку, тем шире открывалось пространство. Земля будто распаивалась перед нами, разворачивалась, словно в каком-то фантастическом фильме, неба становилось всё больше, а меня – всё меньше и меньше...

Посёлок оказался совсем не таким, каким я ожидала его увидеть. Мы проехали по недлинной главной улице, по обеим сторонам которой стояло несколько пятиэтажек, и дальше дорога повела нас вниз, вглубь ущелья. Дом Тугановых крепко врос в каменистую землю в стороне от центральных домов, на живописном склоне одной из возвышенностей. Он был большим и приветливым, как добрый здоровяк пёс, и при нашем приближении весело взмахнул с крыши ярким бело-красно-жёлтым полотнищем.

Едва только наш автомобиль затормозил, из ворот, как монетки из кошелька, посыпались весёлые и шумные дети. Следом за ними, с сияющей улыбкой на добром лице, спешила и сама хозяйка, невысокого роста женщина с разноцветной косынкой на голове и в лиловом фартуке. У неё бы-

ли светло-серые удлинённые глаза, в которых плавало умиротворение, и гладкая, совершенно молодая кожа. Если бы я не знала, что супруге Туганова семьдесят два года, я бы точно решила, что она – ровесница Светланы Юрьевны. Вот что делает с людьми горный воздух!

Она обрадовалась нам так, как будто к ней в гости пожаловали особы королевских кровей, не меньше! А появившиеся за ней её невестки решили, видимо, что я – внебрачная дочь их свёкра, иначе как ещё объяснить их восторг при виде моего ошарашенного лица?

Нам выделили огромную светлую комнату с двумя удобными диванами и детской кроваткой и накормили таким вкусным ужином – с осетинскими пирогами, домашним мясом и самым вкусным сыром, который я когда-либо пробовала, – что я ещё раз поблагодарила судьбу за своё мудрое решение отправиться в гости к щедрым осетинам.

Несколько следующих дней тропы моих передвижений ограничивались, в основном, столовой и спальней. Я восстанавливала утраченные физические силы. Светлана Юрьевна с Василисой, облюбовав тёплый двор, почти всё время проводили на улице, в окружении то одних, то других членов многочисленного семейства Тугановых. Фёдор звонил каждый день.

Лишь на четвёртый день моего пребывания в гостеприимном доме меня потянуло исследовать новые места. Никто против этого не возражал. Миша, правда, собирался дать

мне в провожатые одного из своих отпрысков, но я решительно отказалась. Мне хотелось совершать открытия самостоятельно, а заблудиться в горах я не боялась.

Удивительно, но забраться на возвышенность, которую я облюбовала себе из окна своей комнаты, оказалось не так уж и сложно. То ли местная еда насытила мой организм животельной энергией, то ли сказались мои прошлые спортивные достижения, но не прошло и часа, как я приблизилась к цели своего сегодняшнего путешествия. И именно там, на одном из чудесных зелёных хребтов, в окружении облачной дымки и восхитительного покоя меня и застал звонок доктора Арсеньева. Он как-то уж очень кстати пришёлся к моему теперешнему лирическому состоянию. Голос доктора был мягок, и даже нотка насмешливости несколько не диссонировала с моим настроением.

Наверное, ему тоже понравилось бы в этих краях, с лёгкой улыбкой думала я теперь, спускаясь вниз. Надо же, беспокоится обо мне...

И всё-таки я немного устала. Путь назад, казавшийся мне таким простым при подъёме, стал вдруг заметно тяжелее. А может быть, всему виной разреженный горный воздух? Так или иначе, но о тёплой лавочке во дворе дома Тугановых я думала с нетерпеливым ожиданием. И очень обрадовалась тому, что ноги мои, наконец, обрели под собой горизонтальную поверхность. Осталось пройти уже совсем немного...

– Да бон хорш²! – вдруг послышалось откуда-то сбоку.

Голос прозвучал так неожиданно, что я вздрогнула.

– Да бон хорш! – повторила я, оборачиваясь.

По другой тропинке, пересекающейся с моей, шёл какой-то мужчина. Его лицо было коричневым от загара, но больше всего меня поразили его глаза. Они были ярко-голубого цвета, как будто при рождении вместо глаз Бог наградил его двумя аквамаринами.

– Простите, если напугал! – Он внимательно смотрел на меня.

– Я сама виновата. Задумалась...

– Вы москвичка?

– Как вы узнали? – удивилась я.

– А я, как Хиггинс, по произношению могу определить, откуда человек приехал.

– Как Хиггинс? О-о-о! – я явно почувствовала себя необразованной цветочницей Элизой. – Вы это серьёзно?

– Конечно! Знаете, я пошёл даже дальше учёного лингвиста. Стоит мне увидеть незнакомого человека, и я могу назвать его имя!

– Да что вы! И как же, к примеру, меня зовут?

– Постойте... – Он поднял глаза кверху и подумал секунд пять. – Маргарита. Я прав?

– Зашибись!

Наверное, вид у меня был такой ошарашенный, что незна-

---

² Добрый день (*осет.*).

комец сжалился.

– А если честно, весь посёлок уже знает, что у Тугановых гости, – он улыбнулся. Глаза его стали ещё ярче, как только такое возможно? – Интеллигентная пожилая дама, грудной младенец и зеленоглазая блондинка. Путём нехитрых вычислений я пришёл к выводу, что блондинка – это именно вы. А глаза у вас и вправду зелёные.

– А ведь я поверила вам, – улыбнулась я. Мне почему-то было совсем не обидно попасть впросак. Горы хорошо на меня влияют, вскользь подумалось мне. – Хотя я совсем не такая доверчивая, как вы, наверное, решили!

– Горы на вас прекрасно влияют, – высказал вслух он мои мысли, чем, признаться, весьма меня удивил. Вообще встретить в далёком горном посёлке такого тонкого человека было странно. Я рассуждаю сейчас, как надменная горожанка, одёрнула я сама себя.

– Признаться, я чувствую себя здесь не такой, как всегда.

– Я это понял, – он кивнул с лёгкой улыбкой.

Мы немного помолчали.

– А вы Мишин сосед?

– Мы тут все соседи, – усмехнулся он. – А мой дом там!

Он махнул рукой куда-то вверх, в сторону горы, с которой я только что спустилась.

– Вы знаете, о чем я сейчас подумала, – вдруг сказала я. – Что здесь все люди на виду. И от того им приходится быть... не знаю... проще, что ли, яснее...

– Сняв все маски? – и опять он предугадал мою мысль.

– Да, именно так! Вам, наверное, смешно это слышать от такой, как я?

– А какая вы?

– Я? – я задумалась. – Странно, но я сейчас почему-то не могу дать себе определение. Но обещаю вам, что к следующей нашей встрече непременно его подыщу.

Сказав это, я почувствовала ужасную неловкость. Мне кажется, впервые в жизни я набиваюсь в друзья так нахально и неприкрыто. Да и в друзья ли, Марго? Признайся, тебя ведь пленили эти чудесные синие глаза?

– А вы всегда сдерживаете свои обещания, Маргарита? – какой-то неуловимый оттенок окрасил его голос.

– Всегда.

– Что ж, – губы его дрогнули в загадочной улыбке. – Тогда я с вами не прощаюсь, а говорю: до новых встреч.

– Ой, а как вас зовут? – спохватилась я. – Простите мне мою невежливость.

– Фёдор.

– Фёдор? – произнесённое имя больно ударило меня в сердце. – Так вы русский? А я почему-то решила...

– Вы правильно решили, Маргарита.

Он кивнул мне на прощание, ещё раз обдав блеском своих аквамариновых глаз, и не спеша направился в сторону той гряды, откуда только что спустилась я. Я задумчиво смотрела ему вслед. Неясной тревогой сжало грудь. Станный че-

ловек. Необычайно странный.

Глава 18

– Какая же я неблагодарная! – со смешанными чувствами я смотрела на стол, уставленный таким обилием блюд, что удержаться от восхищения не было никакой возможности. – Пока я на солнышке загорала, вы тут вкалывали, как Золушки!

– Глупости какие! – спокойно ответила Лиза. – Гость в доме осетина – первый человек. Так что мой руки и садись за стол. Залина сейчас пироги принесёт.

– О, пироги! – облизнулась я. – Давно я их не ела!

– С утра, – хмыкнула хозяйка.

– Если так дело и дальше пойдёт, вы меня отсюда силком не выгоните. Поселюсь у вас навечно!

– Нашла чем напугать!

В столовую заглянул Михаил Сафарович с маленькой Альбиной на руках. В доме было много детей, я до сих пор не могла запомнить, как кого зовут и кто чей ребёнок. Трое средних сыновей Туганова, Марат, Казбек и Эльбрус, жили в этом же доме, и у каждого из них было по несколько отпрысков. Дети младшего сына Аслана, переехавшего во Владикавказ, летом гостили у бабушки с дедом, и сейчас, конечно, тоже были здесь. Точнее, на улице. Днём домой их загнать было невозможно. И я их очень хорошо понимаю!

– Ну конечно, – рассмеялась я. – Нам с Василисой среди

кучи ваших родственников затеряться будет очень легко!

– Марго, зови Свету, пока пироги не остыли! – в проёме кухни показалась Залина, жена Марата. В её руках было большое блюдо с горячими осетинскими пирогами. Запах по столовой разнёсся такой, что покидать стол в такой момент казалось просто безумием.

– Вы только без нас всё не съешьте! – жалобно попросила я и направилась в сторону двери, ведущей к пристройке Казбека, третьего сына Миши.

– А ты дорогу не перепутала, Марго? – усмехнулась Лиза. – Твоя комната в другой стороне.

– Светлана Юрьевна с Василисой у Изольды, – пояснила я.

– Разве? – удивилась Лиза. – Полчаса назад твоя дочь спала в своей кровати.

– А сейчас они в доме Казбека, – пожалала я плечами.

– Этого не может быть! Ты что, сквозь стены видишь?

– Почему сквозь стены... – забормотала я, наконец опомнившись. Я ведь после прогулки в свою комнату не заходила, направившись напрямиком в столовую, откуда же мне знать, где сейчас Василиса со своей няней? Какая оплошность! – Просто мне кто-то сказал об этом. Кажется, Сослан.

– Сосика я отправила в магазин за мукой. Полчаса назад.

– Ну, значит, не Сослан, – легко согласилась я. – А кто-то другой. Я перепутала.

В этот момент дверь, которую я намеревалась открыть, распахнулась, и на пороге появилась улыбающаяся Светла-

на Юрьевна с Василисой на руках, сзади которой виднелась Изольда, жена Казбека.

– Ну вот, я же говорила! – я забрала девочку у женщины. – Светлана Юрьевна, совсем я вас загрузила!

– Вот и нисколько! – возразила та. – Вон сколько у меня помощников! А ты, я смотрю, даже загорела сегодня! Горный воздух идёт тебе на пользу!

– А по-моему, Маргарите просто жарко, – заявила прямолинейная Изольда. – Щеки покраснелись от духоты. Конечно, это вам не холодная Москва!

– В Москве сейчас тоже жарко, – заметил Михаил, внимательно меня разглядывая. Но больше он ничего не сказал, только задумался о чём-то.

– Я есть хочу! – в столовую вбежал крепкий бутуз. Тимур, кажется. Или Зелим.

– Ох, заговорили вы меня! – всплеснула руками хозяйка. – Прошу всех за стол!

И она добавила ещё какую-то фразу на осетинском, после чего мальчишка пулей выскочил из комнаты. За остальными побежал, решила я.

– А вы тут, наверное, всех-всех знаете?

Я положила вилку и откинулась на спинку стула. Дышать было трудно, такое количество пищи за раз я в жизни не ела. Но и отказаться даже от маленького кусочка не могла – всё было настолько вкусно!

– Всё знать невозможно! – глубокомысленно произнесла двенадцатилетняя Дзерасса, дочка Изольды. Своей рассудительностью она была похожа на мать. Впрочем, и внешнею тоже. Темноволосая красавица с густыми чёрными бровями и длинными ресницами вокруг огромных карих глаз. – Правда, нана?

– Наверное, – рассеянно ответила бабушка, думая о чём-то своём.

– А Урызмаг все знает! – Тимур, плотный крепыш с жёсткими курчавыми волосами, потянул деда за руку. – Скажи, Миша!

– Кто такой Урызмаг? – заинтересовалась я.

– Был такой герой нартского эпоса, знатный нарт Урызмаг. Наш Тимурик просто бредит им.

– Он мог узнать, какой нрав у человека, даже если никогда этого человека не видел! – выпалил мальчик.

– Серьёзно? – перед моими глазами предстало смуглое лицо с небесным взглядом. – Значит, именно его я встретила два часа назад?

– Ты встретила Урызмага? У нас, в Фиэгдоне? – недоверчиво переспросил мальчуган. – Врёшь, небось?

– Тимур, как ты разговариваешь со старшими! – рука хозяина больно прошлась по кучерявой макушке. – Мне стыдно за тебя!

– Я понимаю твоё удивление, Тимурик! Я и сама была поражена.

– Он что, сказал тебе про твой нрав?

– Почти, – загадочно улыбнулась я.

– А во что же он тогда был одет? – крепыш прищурился.

Ему и хотелось мне поверить, и в то же время он боялся насмешек со стороны родни.

– А я не помню! Я смотрела только в его синие-пресиние глаза, а больше ничего и не видела.

– Эх ты! – разочарованно протянул ребёнок и тут же потерял ко мне интерес.

– Что за история с таинственным незнакомцем, Марго? – спросил у меня Туганов, пристроившись рядом на лавочке.

Вечер был тихий, даже ветер ненадолго успокоился, прогулявшись за день. Вдалеке мелькали огоньки. Кажется, как раз в том самом месте, куда указывал синеглазый фиагдонец.

– Просто забавное совпадение, – улыбнулась я. – Когда я спустилась вон с той горы, я встретила одного человека. И он правда начал с того, что угадал, как меня зовут!

– Ну, это дело не хитрое! Весь Фиагдон уже в курсе, что у меня гости.

– Вот и он об этом сказал. Вообще-то он показался мне странным товарищем...

– Что же ты замолчала? Он тебе сам представился хоть? А то знаю я наших невоспитанных жителей...

– Да, его зовут Фёдор, и живёт он вон в тех домах! – я показала направление рукой.

– Хм, – пробормотал старик. – Ни одного Фёдора с тех мест я не знаю.

– А он сказал, что коренной фиагдонец...

Я задумалась. Разве тот мужчина говорил об этом? Вроде нет, но во мне почему-то осталось стойкое убеждение, что именно так оно и было.

– Да нет у нас людей с таким именем, Марго! Наверняка, ты ослышалась. Может быть, он назвался Петром? Петя Албегов живёт недалеко от нас. Правда, глаза у него карие...

– Ну что я, глухая тетеря, что ли? Он сказал именно Фёдор, я ещё подумала в тот момент, что прямо как мой... отец. – О других своих ассоциациях я Мише рассказывать не стала. Пусть спит спокойно.

– Ну, значит, это точно был Урызмаг, – усмехнулся он. – Можешь этим гордиться.

– Ага, – озадаченно произнесла я.

Кто же тогда повстречался мне сегодня?

– А ответь-ка мне, девушка, ещё на один вопрос... – голос старика стал тише. – Только не обижайся, ладно?

– На какой? – я напряглась.

– Ты ведь что-то не договариваешь о Василисе, верно?

– Почему вы так решили?

– Я умею смотреть и делать выводы, Марго. И мои глаза мне говорят, что между тобой и девочкой существует тесная связь.

У меня перехватило дыхание. Таких слов я просто не ожи-

дала услышать!

– Она ведь твоя настоящая дочь, я прав?

– Настоящая дочь? – выдохнула я.

– Она и похожа на тебя, не заметишь этого невозможно.

Я только не понимаю, зачем это скрывать? Ну ладно, если бы ты жила в глухом селе и боялась людского осуждения... Хотя я думаю, что сейчас уже никто ничего не боится... Но, будучи городской жительницей, к тому же твёрдо стоящей на ногах, о таких предрассудках можно просто забыть. Что ты на это скажешь?

– Что я скажу? – повторила я. – Признаться, я бы очень хотела, чтобы Василиса была моей родной, кровной дочерью, но это не так, Михаил Сафарович. Я её только удочерила. А схожесть наша – всего лишь удачное совпадение, вот как с Урызмагом...

– Совпадение, говоришь... – в голосе старика послышалась нотка обиды. Кажется, он мне не поверил. – Что ж, тебе видней. Ладно, Маргарет, пойду я спать. Устал я сегодня.

– Доброй вам ночи!

Я осталась сидеть одна. После разговора с Тугановым на душе было гадко. Представляю, что он теперь обо мне думает! Я чувствовала себя неблагодарной, лживой предательницей. Зачем я вообще приехала сюда? А ещё эта история с таинственным мужиком! Спрашивается, откуда он взялся и какого чёрта его занесло на мою дорогу? Мой взгляд с негодованием обратился к дальним огням. Внезапно мне пока-

залось, что они стали как будто перемещаться вправо-влево, словно подавали мне какой-то знак. Как на болоте замка Баскервилей, тут же вспомнилось мне. Плечи покрылись мурашками и стало немного жутко. Я заворожённо следила за прыжками огоньков, пока глаза не заслезились от напряжения.

– Ладно! – решительно произнесла я. – Завтра же узнаю, кто там живёт, а потом буду собираться в Москву. Пора и честь знать!

Глава 19

Путь до таинственного места оказался дальше, чем я предполагала. И круче, чем виделось снизу. В некоторых местах мне даже приходилось упираться коленками в землю, настолько отвесным был склон. Но святой Георгий, покровитель путников, о котором я столько раз здесь слышала, мне явно помогал. Вот интересно, осетинское божество и православный святой Георгий – это одно и то же лицо?

– Ох!

Камень под моей левой ногой сорвался вниз, и я чуть не полетела вслед за ним, успев уцепиться мёртвой хваткой за какой-то кустик. В животе стало холодно. А нечего размышлять о том, чего не знаешь, тёмная девушка! Ничего, вернусь домой, займусь самообразованием!

«Если вернёшься!» – ядовито прошептал мой внутренний голос.

Когда я достигла вершины, ноги мои дрожали от усталости, в глазах было темно, а сердце колотилось, как сумасшедшее. Со стоном облегчения я опустилась на горизонтальную поверхность горы и замерла. Вокруг стояла такая плотная тишина, что можно было её черпать горстями. Прележала на траве я довольно долго. Даже когда усталость отпустила меня, вставать всё равно не хотелось. Не мигая, я смотрела на небо. Небо смотрело на меня. Оно было так близко. Оно

было везде.

– Отдыхаете?

– А! – меня подбросило наверх. – Опять вы меня напугали!

– Простите, я вовсе этого не хотел!

Передо мной стоял мой вчерашний знакомый и довольно улыбался. Значит, он всё-таки существует, а я уж и сомневаться начала!

– Ваше выражение лица говорит об обратном, – проворчала я.

– Вам показалось, Маргарита. Это просто свет так падает.

– Ага, свет...

Я с интересом уставилась в его лицо. Вчера мне не удалось его хорошенько рассмотреть, мой взгляд был прикован только к яркой лазури его глаз, а сейчас я отметила и высокий умный лоб, лёгкую седину на висках, придающую этому человеку особенный шарм, жёсткую ямочку на подбородке, чёткие скулы... Несомненно, по любым человеческим меркам передо мной был явный красавец. Даже, пожалуй, мачо. Смуглый ковбой из штата Техас. Сегодня на его голове красовалась выцветшая зелёная шляпа с большими полями, довершающая образ героя вестернов.

– Ну и как? – он не скрывал, что всё прекрасно понимает.

– Вполне достойно, – кивнула я. – И как вас зовут на самом деле?

– А какая теперь вам разница? – усмехнулся он.

– Ну, знаете! – воскликнула я. – Вы меня выставили на посмешище перед моим другом. Он подумал, что у меня начались слуховые галлюцинации!

– Бросьте, Миша неглупый человек! Ну что, идёмте?

– Подождите!

Я сделала шаг назад. Меня вдруг охватил безотчётный страх, тревога, которую я почувствовала вчера, глядя в спину этому человеку, и которая опять сжала моё сердце.

– Вы чего-то боитесь? – его лицо стало серьёзным, а взгляд – внимательным и каким-то... сочувствующим.

– Я боюсь вас. Вдруг вы маньяк?

– Но ведь вы не думали об этом, когда взбирались сюда?

– Не думала.

– Верьте своим первым ощущениям, они самые верные.

– ...сказал волк Красной шапочке перед тем, как её съесть, – пробормотала я. Его глаза в ответ сверкнули так ярко и так обещающе, что я, махнув на все свои страхи рукой, вновь приблизилась к нему. – Ладно, идёмте, мой безымянный герой, и помогай нам Бог!

– Это ваш дом? Вы уверены?

– А почему вы сомневаетесь?

– Не знаю. Он не похож на ваш дом.

– Вот как? – он улыбнулся. – Но вы правы, я тут редко бываю. Это дом моих предков. А сам я живу в... другом месте.

– Странно. А я почему-то решила... Впрочем, это не важ-

но. А кто же смотрит за жилищем во время вашего отсутствия?

– Вы обо всём узнаете, Маргарита. Осторожно, тут высокий порожек...

Я сама не могла понять, почему меня так поразили вид этого здания. Дом был каменным, справа к нему лепилась небольшая пристройка, тоже сложенная из грубых булыг, слева, чуть вдалеке, стояла полуразвалившаяся сараюшка с узкими покосившимися окошками. Сам дом был двухэтажным, но высоким он не казался. Он был похож на состарившегося циклопа, которого годы согнули к земле и которому так уже никогда и не дадут выпрямиться. Я чувствовала какую-то несовместимость этого строения с мужчиной, находившимся рядом, и никакие слова о предках не могли меня убедить в обратном. Что я вообще тут делаю?...

– Здесь у нас прихожая, там дальше – кухонька...

Он вёл меня по дому, будто не замечая моего состояния, обращая моё внимание на детали внутреннего убранства, а я плелась сзади, ругая себя самыми последними словами. Откуда взялось вдруг во мне такое любопытство, которое затащило меня в это странное место? Я не могла представить, чтобы та, московская, Маргарита могла попасться на такой крючок. Что случилось со мною?

– Я сейчас поставлю чайник, а вы проходите пока в ту комнату!

Он подтолкнул меня к какой-то двери, а сам шагнул в

темноту и исчез. Я оглянулась. Непонятная история. Может быть, пока ещё не поздно, повернуть назад? Я даже сделала один шаг к выходу, постояла в раздумье, а потом решительно подошла к указанной двери и так же решительно её толкнула. В конце концов, сбежать я всегда успею, а жалеть о том, что могло бы быть и не случилось – не самое моё любимое занятие.

Это была очень большая и довольно тёмная комната. Наверное, она находилась в самом центре дома – ни одного окна в ней не было, а тусклый свет, идущий откуда-то сбоку, никак не мог полноценно её осветить. Я прошла немного вперёд и постояла чуток. Глаза медленно привыкали к темноте, а мысли судорожно пытались найти точку опоры. И опять, как и несколько минут назад, меня охватило чувство тревоги, только теперь оно было настолько явственным, что хотелось тут же броситься наутёк. Я сжала кулаки. Спокойно, Марго, без паники. Сейчас придёт фиагдонский маго, напоит тебя горячим чаем, и твой страх растворится в жаркой... Я не успела додумать свою мысль, как из дальнего угла комнаты послышался какой-то шорох. Сказать, что я испугалась – значит, не сказать ничего. Меня объяло ужасом, ноги приросли к полу, а по голове поползли колючие мурашки. В помещении явно был кто-то ещё, и почему я не почувствовала этого сразу?

– Не бойся меня! – проскрипел чей-то негромкий голос, а потом добавил ещё одну каркающую фразу, которую я не

поняла. Наверное, на осетинском языке.

– А я и не боюсь, – дрогнувшим голосом сказала я и вытерла вспотевшие ладошки о свои брюки. – Здравствуйте. Извините, что сразу не поздоровалась, я вас не увидела.

Мой язык жил сам по себе, а я – сама по себе.

– Сядь. – Короткое слово прозвучало так увесисто, что послушаться его было невозможно.

Я поискала глазами стул. Единственная табуретка стояла как раз в той стороне, откуда доносился тихий голос. Я вздохнула. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Глаза мои уже полностью адаптировались к полумраку, и теперь я могла точно сказать, кому принадлежал скрипучий голос. На узкой кушетке, стоящей у самой стены, сидела пожилая женщина, толстая, с длинными седыми космами, выбивающимися из-под серого пухового платка. Она была одета в тёплый бордовый халат с весёленькими цветочными узорами, а на одутловатых ногах её красовались разноцветные полосатые носки. Ничего устрашающего в этой старухе не было, за исключением, разве, чёрной полоски усиков над верхней губой и бородавки на подбородке. Я немного приободрилась, но лишь до следующей её фразы.

– Я ждала тебя.

– Меня??

И опять какие-то слова исторглись из её уст, смысл которых был мне не понятен. Она сделала какой-то жест руками, будто кого-то подзывала к себе, и глаза её, до сих пор полу-

скрытые темнотой, вдруг вспыхнули и стали точь-в-точь как у моего недавнего проводника. Такие же синие и молодые. Не скажу, что меня это сильно удивило. Я пребывала сейчас в таком чутком состоянии, что вещи, взволновавшие бы меня в привычных обстоятельствах, здесь, в этом непонятном доме, казались не стоящими моего внимания. Я поняла вдруг, что не это главное. Да, именно так. Весь антураж, так поразивший моё воображение в начале моего пути, распался на молекулы и осталась только эта старая женщина, которая зачем-то меня ждала, и я, готовая слушать её, сколько потребуется.

– У тебя белые волосы и белая кожа. Мае хаераефырт³ сказал, ты красивая.

– Кто? – но я уже поняла, о ком она говорила.

– Племянник. Дай мне свою руку. – Она протянула вперёд бугристую ладонь. Помедлив, я вложила свои пальцы в её, оказавшиеся горячими, даже обжигающими, и замерла. Губы её зашевелились, а глаза продолжали смотреть в одну точку. Мимо меня. Уж не слепая ли она? – промелькнула изумлённая мысль.

– Я хорошо вижу, – усмехнулась она. – Сердцем. Этого хватит.

И она прижала мою руку к своей груди.

– Слышишь?

– Слышу.

---

³ Мой племянник (осет.).

– У тебя сильные пальцы. Ты сильная женщина. Как я.

Такое сравнение не могло оставить меня равнодушной. Но в данную минуту сильной я себя не чувствовала.

– Ты не обиделась на меня?

– За что я могу на вас обижаться?

– За племянника.

– Вы специально послали его за мной? И даже имя дали ему, мимо которого я не смогла пройти...

– Ты умная, я знала это. Сядь сюда, – она дёрнула подбородком вниз.

Без каких-либо колебаний я пересела. Кушетка оказалась твёрдой, как камень, но сидеть на ней было удобно. Пальцы мои по-прежнему оставались в руке этой старухи. Она сидела прямо, не касаясь спиной стены, и в профиль её лицо выглядело совсем по-другому. Жёстче и пронзительней. Густые брови нависали над глазами, как скалы над обрывом, нос в середине преломлялся и внизу почти соприкасался с верхней губой, подбородок же выдавался вперёд так явно, что сразу можно было сказать, насколько упрямой была эта женщина. Наверное, её мало кто мог назвать хохотушкой в молодости, к своим же годам она и вовсе загрубела.

– Что, не нравлюсь тебе? – она так и не повернула ко мне головы. Да и зачем, если смотрела она совсем не глазами?

– Не знаю, что вам ответить...

Она кивнула, будто других слов от меня и не ждала, и закрыла глаза. Я сидела, не шелохнувшись. Рука моя, в том ме-

сте, которое соприкасалось с пальцами старухи, пульсировала. Интересно, что сказал бы Арсеньев, застав меня в таком положении? Не знаю, почему я вдруг вспомнила о нем.

– Он добрый человек, – она будто почувствовала движение моей мысли.

– Откуда вы знаете? – невольно вырвалось у меня.

Но она лишь улыбнулась в ответ. И открыла глаза.

– Расскажи мне о своей матери.

– О матери? – привычная тяжесть сдавила мою грудь. –

Зачем?

– Затем, что тебе надо об этом рассказать. Я буду хорошо слушать.

– Я не понимаю...

– Не нужно понимать! – она нетерпеливо дёрнула головой. – Просто расскажи.

– Ладно, – я сглотнула слюну. – Только я её очень плохо помню.

– Как помнишь – так и расскажи.

– Она... ей было шестнадцать лет, когда она меня родила.

Она очень любила... мужчин.

– Зачем ты врёшь?

– Я не вру!

– Тебе кто сказал об этом? Кто?

– Тётя Даша, соседка. Она сказала, что у моей матери была распущенная тяга к мужскому полу.

– Так и сказала?

– Да!

– А про сына своего она тебе ничего не сказала?

– Про сына? – удивилась я. – Нет, не говорила.

– Про то, что он обрюхатил свою одноклассницу и соседку, и мамаше пришлось отправить его в другой город к отцу?

– Я вам не верю!

– Девочка оставила ребёнка своей матери и бежала от позора. Этого она тоже тебе не сказала?

– Нет! – я уже кричала.

– Ей было трудно, твоей маме. Без профессии, без поддержки. Она выкручивалась, как могла. А потом она встретила Фёдора.

– Почему же она не вернулась сразу?

– Она вернулась. Она хотела забрать тебя, но твоя бабушка тебя не отдала.

– Как не отдала? Почему?? – во мне всё похолодело.

– Ты была всей её жизнью. Как можно было отказаться от жизни?

И я вспомнила. Однажды, когда мне было лет пять, наверное, или чуть больше, меня из садика забрала тётя Даша. Мы с ней зачем-то долго гуляли по городу, по первому снегу – дело было зимой, а на мне были лёгкие сапожки. Я все просила её отвести меня домой, к бабушке, но тётя Даша говорила, что бабушки сейчас дома нет, а у неё, у тёти Даши, нет ключей от квартиры, и мы должны были ходить и ждать, когда бабуля вернётся. Я продрогла тогда до костей. А позд-

но вечером, когда всё-таки попала домой, бабушка напугала меня своими слезами. Я плохо помню, что она тогда говорила. Вроде бы, что мы с ней сильные и что нам хорошо вдвоём, и ещё она обещала купить мне фигурные коньки, как у Зинки из второй квартиры. Коньки эти она мне на самом деле купила. И я была так счастлива тогда!

– Откуда вы всё это знаете? Кто вы такая?

– Он хотел тебе всё рассказать, но ты не желала слушать его. Ты ненавидела его. А потом полюбила, да? Но не как отца...

– Да что же это такое! – Я с силой выдернула руку и вскочила. Мне хотелось бежать от всего, что я узнала, бежать со всех ног, но я понимала, что я уже не смогу этого сделать. Ведь как убежишь от себя?

– Сядь! Мы с тобой ещё не дошли до главного.

– Есть ещё что-то?? – я плюхнулась обратно на кушетку. Бабка поморщилась.

– О своём отчине ты подумаешь без меня. Теперь ты и сама сможешь это сделать. Но я хочу тебе вот о чём сказать...

Она почему-то замолчала. Ладонь её, в которой опять оказались мои пальцы, чуть вздрогнула.

– У твоей матери родились близнецы.

– Близнецы? – эхом отозвалась я.

– Две девочки. Но второй ребёнок не выжил. Умер при родах.

– О, Господи!

– Ты знаешь, что я скажу дальше?

– Не-е-ет...

Но я знала, знала!

– Её душа прилепилась к твоей, как её тело было слито с твоим в утробе матери.

– И теперь она оказалась у Василисы? – я прислонилась к стене. Выдерживать это становилось всё труднее.

– Да, – спокойно произнесла бабка. Как будто такие случаи были в порядке вещей! – Твоя мать тоже хотела назвать её Василисой.

– О-о-о-о!

У меня больше не было сил говорить. Я смотрела прямо перед собой, а голова моя гудела, как звенящий колокол. Бум-бум, бум-бум...

– Сейчас Урузмаг принесёт чай. Горячий сладкий чай всегда помогает. – Бабка задвигалась, её рука ослабила хватку, стала мягкой и рыхлой. Как обычная рука обычной старушки. – А на бабушку свою ты зла не держи. Она любила тебя, как могла.

– А вот и чай! – Дверь приоткрылась, впустив с собой поток мягкого света, и на пороге показался мой ясноокий провожатый. Урузмаг, значит. Недалеко я была от истины.

– Дверь закрывай, дует! – сварливо сказала бабка. – Ты молока мне купил?

– Купил, тётушка, купил!

Мужчина улыбнулся и, обдав меня светом своих синих

глаз, прошёл в комнату, захлопнув дверь ногой. Я встала, чтобы помочь ему. Работа всегда отвлекала меня от ненужных мыслей.

– Заговорила вас моя родственница? – весело спросил он. – Она такая!

– Что ты глупости болтаешь? – пробурчала старуха, добавив ещё что-то по-осетински. Но он лишь усмехнулся на её слова и быстро мне подмигнул. Мне нравился он, этот мачо. Сейчас, в полусумраке комнаты, он смотрелся совершенно по-другому, более открыто и просто, что ли. У нас мог бы случиться неплохой роман...

– Как твоя Зарина, Урузмаг, уже выздоровела?

Я поняла, что бабка сказала это специально для меня. Ну и ладно. Я мысленно пожала плечами. От этих мужиков одна только головная боль!

– Не зарекайся, – тихо пробормотала старуха себе под нос. – Ну, где мой чай? Долго ещё ждать?

– Когда вы возвращаетесь в Москву?

– Я теперь не знаю. Всё вдруг так запуталось...

– А может быть, наоборот? Встало на свои места? – он прищурил глаза. – Моя тётушка мастер разгадывать загадки, только не сразу ответ бывает виден. Вы понимаете, о чём я?

– Кажется, да. Что ж, спасибо вам, Урузмаг, за всё! Будете в Москве – звоните!

– Вы же знаете, что я не позвоню, и я это тоже знаю, прав-

да?

– Правда, – рассмеялась я. – Тогда прощайте?

– Я уже простил! – он расхохотался и побежал вверх по тропинке, оставив меня у подножия горы. Я смотрела ему вслед. На душе моей была тоска.

Глава 20

– Симо-о-она, девушка моей мечты! Симо-о-она, королева красоты!...

Я оглянулась. В мою сторону по дороге, идущей от посёлка вниз, к мосту через реку Фиагдон, вышагивала вереница молодых девиц. Они не просто шли, они растянулись на всю ширину дороги, взявшись за руки и громко вопя песню Кузьмина. Лица их светились счастьем, и вообще были они такие забавные и смешные, что не улыбнуться было невозможно. Их было человек десять. Я подсчитала – да, точно десять. По мере их приближения я смогла яснее разглядеть лица. Девицы были совсем юные, лет шестнадцати – семнадцати. Несмотря на то, что фигуры и лица их совершенно различались, я тонко чувствовала что-то общее, их объединяющее, но что – объяснить словами не могла. Они проскакали мимо меня, даже не взглянув в мою сторону, весёлые, отчаянно и смело глядящие на мир, так и не расцепив руки, продолжая выкрикивать слова громкой песни. Я долго смотрела им вслед. Тоска, лежащая в моём сердце после разговора с ведуньей, стала ещё острее.

– Из бани девчонки идут, – сказал кто-то рядом со мной.

Я резко оглянулась. Передо мной стояла парочка, он и она, примерно моих лет. У мужчины было лицо молодого Михаила Сафаровича, а у женщины... Женщина была про-

сто красавицей, я таких в жизни не видывала. Она была рыжей, и я уверенно могла сказать, что это её естественный цвет. Но при этом, как я знала точно, она была осетинкой, поразительно!

– А почему из бани? – спросила я.

– Так они по субботам туда ходят. У них же своей-то нет, – ответил мужчина.

– Это студентки художественного училища, – объяснила его жена. – Они каждый год сюда приезжают, у них база вон там!

Она махнула рукой в ту сторону, куда направлялись девичьи.

– А вы, наверное, Маргарита? – спросил он.

– А вы, видимо, Аслан и Алёна? – улыбнулась я в ответ.

– Точно! – они тоже заулыбались. – Как вы догадались?

– Это, конечно, было трудно, если учесть, что сходства между вами, Аслан, и вашим батюшкой нет ни на грамм. Ну вот совершенно!

– Конечно, мать всегда говорила, что я в неё! – он рассмеялся.

– Скажите, а далеко отсюда база этих художников? – меня не отпускала мысль о весёлых студентках. – Интересно было бы посмотреть...

На что мне было интересно посмотреть, уточнять я не стала. Я и сама этого не знала.

– Если хочешь, Марго, я покажу тебе, – предложила Алё-

на, тут же перейдя на «ты». У неё это вышло так легко, как будто мы дружили с ней с детства. – Только сначала домой зайдём, хорошо?

– Ну конечно! – спохватилась я. – Я ведь как с утра ушла, так ещё не возвращалась.

– Меня самого в детстве загнать домой было невозможно, – понимающе заметил Аслан. – Особенно летом. Прибежал только переночевать, а утром опять в горы. Так что если вам нужен опытный проводник, Маргарита, обращайтесь.

– Иди уж, горе-проводник, – Алёна со смехом подтолкнула мужа в спину. – А то сейчас договоришься!

– Я просто очень гостеприимный осетин, женщина!

– Гостеприимный он! – Она взяла его за руку и подмигнула мне. – Идём, Марго, мы тебе лучшего мужика найдём! Есть у меня один знакомый...

– Какой это ещё знакомый? – Аслан резко остановился.

– Так я тебе и сказала, дорогой! – Она опять потянула его вперёд. – Ты знаешь, Марго, я сразу поняла: чем меньше твой муж знает о тебе, тем крепче спит.

– Не говори этого при отце, жена моя, иначе останешься ты на старости лет одна!

– Зря ты так думаешь, Асланчик, – хмыкнула Алёна, встряхнув медными волосами.

Она была права, эта чудесная красотка. Мне думается, очередь за её благосклонностью выстроилась бы отсюда и вон до тех далёких гор!

– Жестокая! – пробормотал её муж и покрепче ухватил за руку. Чтобы не сбежала, видимо.

Глава 21

– Мама! – к Алёне бросилось сразу трое детей, три разновозрастные девчонки, среди которых не было ни одной рыжей. Самый старший её отпрыск, Сослан, спокойно помахал родителям рукой издалека, не торопясь к ним подходить. Кавказский мужчина, одним словом.

– Наконец-то! – Лиза тепло обняла сначала невестку, потом сына. – Почему так долго?

– Да машину в ремонт поставили, пришлось на автобусе ехать, – объяснил Аслан. – Мам, а фыдджины⁴ есть?

– Обычный вопрос от Аслана! – хмыкнула Алёна. – Знаешь, Марго, что он заставляет меня печь фычики каждый день?

– Он с детства к ним привык, – поддакнула Лиза. – И Сослана приучил.

– А кто это у нас такой сладенький! – вдруг воскликнула Алёна, всплеснув руками. Во двор, с Василисой на руках, вышла Светлана Юрьевна. – Боже, как же я люблю таких маленьких! Можно мне с ней потетёшкаться?

Няня с улыбкой отдала девочку рыжеволосой даме, а сама подошла ко мне.

– Маргоша, наша Василисушка сегодня днём плохо спала. Я даже испугалась немного, она ведь так себя никогда рань-

---

⁴ Пирог с мясом (*осет.*)

ше не вела. Может, зубки режутся?

– В таком возрасте – вряд ли! – донёсся до нас голос Алёны. Она уже сидела на скамейке, совершенно по-особому прижимая к себе малышку, и выглядела безумно счастливой. – Мы же ещё ма-а-аленькие, да, лапуська?

– Не переживайте, Светлана Юрьевна, она просто растёт, – я приобняла женщину. – Вы бы отдохнули, а? Видите, у нас теперь новая нянька появилась.

– Ну что ты, я совсем не устала! Я вообще здесь себя чувствую совсем по-другому, не так, как в Москве. Летаю, словно девочка. И ноги перестали болеть.

– Я говорила тебе, Света, оставайся здесь! А Маргоша другую помощницу найдёт, правда, Марго? – Лиза улыбнулась.

– Конечно! Вы можете свою квартиру сдавать и на эти деньги жить тут. А я Аню, свою бывшую медсестру, в няни возьму.

– Ну я не знаю... – неуверенно произнесла Светлана.

– Вы же хотели полный дом детей, – негромко добавила я. – А мы с Василисой приезжать к вам будем. Каждое лето.

– А где мой фыдджын? – вдруг встрепенулся Аслан. – Я не понял, мы будем сегодня есть или нет? Алёна!

– Оставь свою жену в покое хоть здесь! – строго сказала Лиза. – Иди руки мой, стол давно накрыт. Кто ещё хочет успеть урвать хоть кусочек пирога, должен поторопиться, Асланчик долго церемониться не станет!

Первым в дом заскочил Сослан. Яблочко от яблоньки...

Глава 22

– Ты счастливая, Марго! Она так на тебя похожа! Хоть бы кто-нибудь из моих четверых был в меня! Так нет же, как назло, или в отца, или в бабуку!

– У тебя есть выход.

– Какой?

– Родить ещё одного!

– Ну да! – она громко расхохоталась. – Ты только Аслану не говори, он тебе спасибо не скажет за такую идею!

– Он что, будет против?

– Да ты что, куда нам пятого? И так еле концы с концами сводим. Если бы не его родители... Слушай, а твой-то помогает тебе?

– Кто? – не сразу поняла я.

– Ну, отец ребёнка! Или бросил и ищи ветра в поле?

– Это долгая история, Алён... Смотри-ка, кажется, дошли. Я угадала?

– Ага!

Мы остановились на развилке, одна из дорог которой вела к большому участку, огороженному невысокой изгородью. За ней виднелся длинный двухэтажный дом, окрашенный в светло-жёлтый цвет, слева – строение, похожее на кухню, и ещё пара сарайчиков в дальнем углу. Мы с Алёной переглянулись.

– Ну и что теперь будем делать?

– Сама не знаю, – ответила я.

Зачем-то мне надо было сюда прийти, но зачем – я пока не понимала. Авось, пойму в процессе.

– Вы кого-то ищете?

Голос спрашивающего доносился оттуда, откуда доноситься в принципе не должен был. Мы задрали головы. На крыше кухни кто-то был. И не один. На нас в четыре глаза уставились измазанные чем-то разноцветным рожицы.

– А вы что там делаете? – спросила любопытная Алёна.

– Пишем.

– Стихи, что ли? – не поняла я.

– Да нет, рисуем! Красками!

– А-а! – в один голос сказали мы с Алёной.

– А можно посмотреть?

– Забирайтесь к нам! – весело предложил один из ребят.

В его светлых волосах запуталось солнце.

– Не-е-е, лучше вы к нам!

– А вам что, слабо? – крикнул другой, черноволосый ку-черявый крепыш.

– Давно меня на слабо никто не брал! – ухмыльнулась Алёна и сделала шаг вперёд.

– Ты что, и правда собираешься туда лезть? – с ужасом спросила я.

– А что тут такого? Я в детстве ни одного дерева не пропустила у нас во дворе. Ребята, а крыша всех выдержит? –

крикнула она.

– Проверено!

– Вот видишь? – Алёна возбуждённо потянула меня за руку. – Ну интересно же! Идём быстрее, пока никто не спохватился!

– Давай лучше в другой раз? – малодушно протянула я. – Завтра! Мне надо морально подготовиться.

– Не говори ерунды! – Она первая встала на нижнюю ступеньку деревянной лестницы, которая была прислонена к зданию. – Потом ведь жалеть будешь!

Эти слова довершили дело. Жалеть о чём-либо я не любила...

– Прикольно у вас тут! – оценила Алёна нагретое солнцем местечко. Кроме тех двоих, на крыше, выставив голое пузо кверху, загорал ещё один паренёк. При нашем появлении он даже не пошевелился. Кажется, он просто спал. На его лицо была накинута полосатая футболка. Вечернее солнце пекло вовсю.

– А он так не сторит? – заботливо спросила Алёна.

– Хомяк-то? Да что с ним сделается! – хмыкнул светленький паренёк, не спуская глаз с Алены. По всей видимости, её яркая красота произвела на мальчишку сильное впечатление. – А вы местные, да?

– Не совсем, – улыбнулась Алёна, мазнув по мне взглядом. – Ну, показывайте свои шедевры!

Работы у них оказались весёленькие. Я совсем ничего не

понимаю в живописи, но один из этих этюдов я бы, пожалуй, даже купила.

– А это где? – взгляд мой наткнулся на небольшой рисунок, чёрно-белый, сделанный каким-то чёрным сыпучим материалом.

– Да там где-то, – чернявый юноша небрежно махнул рукой вверх. – Высоко.

– Это ты про заброшенный дом говоришь? – Алёна тоже заинтересовалась. – Кстати, очень похоже. Мне нравится, когда рисуют близко к натуре.

– Почему заброшенный? – спросила я, чувствуя, как моё сердце перемещается куда-то вверх. – Там что, никто не живёт?

– Раньше не жил, – беспечно сказала она. – А сейчас не знаю.

– И я не знаю, – пожал плечами мальчик. – Это не мой рисунок. Я туда не поднимался.

– А чей?

– Егора. Ну, есть тут у нас один пацан. А можно вас попросить? – он обратился к Алёне.

– Попроси, – улыбнулась та.

– Вы не могли бы мне попозировать? У вас лицо очень... интересное.

– Да пожалуйста! Прямо сейчас?

– Ну да. Или вы спешите?

– Думаю, что тридцать минут для тебя найду. Ты же уло-

жишься за полчаса?

– Да, я быстро рисую! – он обрадовался.

– А где мне найти вашего Егора? – спросила я. – Мне нужно у него кое-что спросить.

– Идёмте, я вам покажу! – ответил мне чернявый и направился к лестнице. – У меня все равно вдохновения сейчас нет. А без вдохновения у меня никогда ничего не получается. Только холст зря марать.

– Спасибо! – Я устремилась вслед за ним. – А тебя как зовут?

– Батраз. А вас?

– А меня Маргарита Станиславовна, – по привычке представилась я. – То есть Маргарита. Просто Маргарита.

– Просто Мария, – переименовал он. – Был такой сериал, кажется бразильский. Мать моя им просто бредила.

– Да, я помню его...

– А вот и Егор, вон там, видите? – он показал рукой на большую зелёную площадку сразу за домом, на которой сейчас происходило что-то интересное. Душа моя встрепенулась.

– Который?

Я приставила руку ко лбу – солнце светило прямо в глаза.

– В жёлтой футболке, справа. Он там один такой.

– Вижу. Хорошо играет.

– Неплохо...

Батразу стало скучно. Наверное, он не любил эту игру. А

я обожаю.

Студенты играли в волейбол. По шесть человек с каждой стороны от натянутой сетки. Игра, как мне показалось, была в самом разгаре, когда есть ещё силы и дыхание не сбито, а движения уже набрали скорость и ловкость.

– Батраз, ты иди, я теперь сама справлюсь. Спасибо тебе.

Он кивнул, но направился не обратно, а в сторону дома. Спать, почему-то решила я, но тут же о нём забыла. Меня захватило спортивное действо. А посмотреть было на что! У ребят, видимо, был хороший педагог по физкультуре, не исключено даже, что и в соревнованиях они принимают участие. Играли они красиво и очень азартно. Я подошла поближе. Никто из зрителей, рассеявшихся вокруг площадки, на меня не посмотрел, все были поглощены страстной игрой. А мальчик, из-за которого я сюда пришла, несомненно выделялся. Он был гармоничен, составляя одно целое с командой, с полем и с самой игрой. Он весь был натянутая струна, не любоваться им было невозможно.

В какой-то из моментов пришла очередь подавать мяч этому ладному юноше. Встав за заднюю линию игровой площадки, он слегка покрутил мяч в руках, мысленно примеривая силу и направление броска, взгляд его задумчиво пробежал по противоположной стороне площадки, а потом наткнулся на мою замершую фигуру. Увидев меня, руки юноши почему-то замерли – мне было видно это очень хорошо, – и затем, не раздумывая больше ни секунды, он подпрыгнул и

мгновенным мощным броском направил мяч... прямо в меня. Надо сказать, что сила удара была у этого парня поставлена неплохо и сработала бы на все сто, если бы не один момент: я тоже когда-то занималась волейболом. Моя сноровка и быстрая реакция помогли мне не только устоять на ногах, но и с силой отбросить мяч обратно, прямо в руки этого молодца. Кидать дальше он его, конечно, не стал. Головы зрителей повернулись на меня. Возникла секундная пауза, после которой из середины сидящих людей поднялся какой-то мужчина в белой беретке.

– Вы кого-то ищете? – спросил он громко. – Здравствуйте.

– Добрый вечер! – Я, признаться, слегка растерялась. –

Извините, что помешала.

– Это вы меня простите! – голос Егора звучал очень виновато. Он подошёл к краю площадки. – Сам не понимаю, как это произошло.

– Бывает, – улыбнулась я. – Не переживайте.

– А вы лихо его отфутболили!

– Это от неожиданности.

– Не хотите с нами поиграть?

– С вами? – я обвела глазами поле. – Но у вас же полный боевой комплект.

– Вместо меня! – стоящая рядом с Егором полная девочка приложила руки к груди. – Умоляю вас, спасите меня! Я зверски хочу есть!

– Ну если только ради вас, юная леди...

– Ура! – И она в мгновение ока сбежала с площадки.

Я помедлила. На мне, конечно, была не совсем подходящая обувь, но за полчаса, думаю, ничего непоправимого с ней не случится.

Я встала недалеко от Егора, на место толстушки.

– Поехали! – он кивнул и отправил мяч на половину соперников.

Сколько времени мы играли – я не знаю. Игра захватила меня полностью, заставив позабыть обо всём, что происходило за границами этого зелёного поля. Странная старуха и её не менее странные слова, заставившие потерять почву под ногами, сейчас перестали что-то значить для меня, и мне хотелось, чтобы это длилось как можно дольше. Очнулась я только тогда, когда сбоку от нас будто колокол зазвонил громко и заливисто: какая-то черноволосая девчушка – мне показалось, что это была одна из тех десятерых, которых я встретила на дороге, – ударяла длинной железкой по чему-то металлическому, висящему на стене столовой.

– Ужина-а-ать!

– Уже... – разочарованно выдохнула наша команда. Им сегодня везло, мы выигрывали с разгромным счётом.

– Успеете ещё наиграться, две недели впереди! – громко произнёс мужчина в белом берете. Он подошёл ко мне. – Спасибо вам за игру, такого удовольствия я давно не получал!

– Судя по всему, вы профи, – Егор, вытирая полотенцем

мокрое красное лицо, весело смотрел на меня.

– Наш Егор тоже парень не промах! – гордо сказала девушка из команды противников. Ребята, стоящие рядом, радостно её поддержали.

– А вы на самом деле профессионал, у меня глаз намётанный! – сказал мужчина. – Кстати, вы, случайно, не у одного тренера с Егором занимались? Очень похожая манера игры, просто один в один.

– Мне тоже так показалось, – сказал кто-то ещё.

– Нет, не думаю, – покачала я головой. – В те времена, когда я бредила волейболом, Егор ещё не родился.

– Между прочим, мне уже двадцать лет! – хмыкнул парень.

– А мне сорок, – спокойно сказала я. Я никогда не парилась из-за своего возраста. Сейчас, правда, я сознательно его преувеличила.

– Обман и провокация! – рассмеялся Егор, ни капли мне не поверив, я видела это по его оливковым глазам.

– Кстати, а вы же кого-то искали? – вдруг спохватился мужчина в белой беретке. – Или я ошибаюсь?

– Вот Егора я и искала, – честно призналась я.

– Меня?? – кажется, парень очень удивился.

– Да. Мне нужно спросить у тебя кое-что...

– Так, ребята, все на ужин! – хлопнул в ладоши преподаватель, и вскоре спортивная площадка опустела.

– О чём же вы хотели спросить?

– Давай присядем? – я показала глазами на скамейку, на краю которой одиноко лежала моя сумка.

– Да, конечно!

– Вот! – я вытащила из-под сумочки рисунок. – Это ты рисовал?

– Я, – спокойно сказал он, взяв его в руки. – А что, это ваш дом?

– Мой? Нет, почему ты так решил?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Просто подумалось.

– Я как раз у тебя хотела спросить, не знаешь ли ты, чей это дом?

– Откуда мне это знать? – удивился он. – Вы же не думаете, что каждый раз перед тем, как нарисовать какое-нибудь строение, мы интересуемся, кому оно принадлежит?

– Нет, конечно, – с досадой сказала я. – Но, может быть, ты видел кого-нибудь в окне, например, или около дома...

– Увы. Во время моего присутствия там никого не было. И вообще мне показалось, что в нём давно никто не живёт.

– Почему ты так решил?

– Трудно сказать... – Он задумался. – Занавесок на окнах не было.

– Это не доказательство.

– И сами окна давно не мытые.

– Подумаешь! Хозяйка ленивая!

– Ну, не знаю. – Он покрутил рисунок в руках. – Почему бы вам самой туда не сходить и не проверить?

– Спасибо за совет, я так и сделаю! – усмехнулась я и поднялась. Он вскочил тоже. – Кстати...

– Что?

– Ты ведь специально бросил в меня мячом, да? Ну, тогда, когда я только подошла к вам! – Я смотрела прямо в его глаза. Должна признаться, выдержка у парня оказалась отменная.

– Вы это серьёзно? – он изумлённо приподнял брови. – Разве я похож на идиота?

– В том-то и дело, что на идиота ты не похож... Ладно, проехали. Извини, что задержала тебя!

– Да ничего, – он улыбнулся. – Заходите к нам ещё.

– Возможно, и зайду. Я не люблю неразгаданные загадки.

– Тогда я не прощаюсь, – хмыкнул он и быстро побежал в сторону столовой.

– Вот зараза! – пробормотала я про себя, смотря ему в спину. – Ведь знает что-то, подлец! Наверняка видел старуху, а может быть, даже разговаривал с ней! Ладно, мне понятно его упорное желание скрыть это обстоятельство, но зачем надо было метать в меня мячом – вот что странно! Или я вижу чёрта там, где его нет?

Глава 23

Ночь я провела нервно, и утро встретило меня морозящим дождиком и головной болью.

– Ты что, в такую погоду гулять собралась? – удивилась Алёна, увидев меня с зонтом на пороге дома.

– А что тут такого? Я очень люблю бродить под дождём. Не хочешь присоединиться?

– Ну уж нет! – она помотала головой. – Я лучше дома посижу. Я, в отличие от тебя, в дождь люблю находиться в тепле и с чашкой горячего чая в руке. Пожалуй, не буду изменять своим привычкам! А Василиса твоя уже проснулась?

– Давно. Они со Светой у Залины. Твоя родственница обещала Светлане Юрьевне, что научит её пироги осетинские печь.

– Так малышка ей, наверное, мешает! – радостно воскликнула Алёна и бросилась в дом Марата и Залины.

Когда я подошла к уже знакомой калитке, дождь припустил ещё сильнее. На мой взгляд, это было не так уж плохо, значит ребята сидят дома, и я смогу увидеть Егора. Но поговорить мне с ним так и не довелось.

– Ой, здрасте!

На первом этаже мне встретился Батраз. Я сочла это хорошим знаком.

– Привет, Батик! Отдыхаешь?

Он сидел на подоконнике в холле, в ушах у него были наушники, а в руках – телефон, в экран которого он сосредоточенно всматривался.

– Ага. – Он нехотя спустил одну ногу. – А вы к нам?

– Я к Егору. Ты мне покажешь, где его найти?

– К Егору? – он опять опустил глаза на экран мобильного, на котором явно происходило что-то очень важное, гораздо важнее, чем моя персона. – А Егора нет. Он уехал.

– Куда уехал? – не поняла я.

– Домой вроде. Не знаю. – Он быстро взглянул на меня. – А что, он вам сильно нужен?

– Не то чтобы очень сильно.... – Я чувствовала себя сбитой с толку. – А ты уверен, что он уехал? Это точно?

– Вроде да... – Он, наконец, отложил трубку в сторону и соскочил с подоконника. – Ща, у его соседей узнаю! Момент!

И он быстрым шагом направился куда-то по длинному тёмному коридору. Я посмотрела в окно. Совсем уж непонятная история. Неужели Егор чего-то испугался? Тебя, например, Маргарита Станиславовна, и твоих навязчивых расспросов. Да ну, глупости какие! Это просто досадное совпадение!

– Точняк уехал! – Сзади меня вновь появился Батраз. – Ребята сказали, ему будто бы из дома позвонили, и он тут же сорвался.

– А когда приедет, не сказал?

– Неа. Да ему тут всё равно недолго оставалось. Он же у

нас уже не учится.

– То есть как – не учится? А я думала, он старшекурсник.

– Да нет. Он окончил училище в прошлом году, а в институт с первого раза не попал. Ну и шеф позволил ему в июне тут поработать, перед поступлением. Так что он уже, скорее всего, не вернётся. В Питер поедет поступать. Или в Москву, я точно не знаю.

– Неожиданно... – Я закусила губу. – Как же мне теперь его найти?

– Если хотите, можете оставить свой номер телефона. Когда он объявится, я ему передам, чтобы он вам позвонил.

– Вряд ли он это сделает, – пробормотала я. – А может быть, ты мне его номер дашь, и я сама его наберу?

– Во-первых, у меня нет его номера, а во-вторых, даже если бы и был, я бы всё равно не смог вам его сказать.

– Почему?

– Егор у нас – человек-загадка, кому попало номера не даёт.

– Значит, мужская солидарность?

– Ну типа того, – ухмыльнулся он.

– Ладно, я поняла. Что ж, тогда дам тебе свою визитку, хоть и чувствую, что зря это. Но... чем черт не шутит!

– Громова Маргарита Станиславовна, руководитель отдела по работе с vip-клиентами, агентство недвижимости «Фёдор и партнёры», город Москва... Круто! – присвистнул он. – А это что, то самое агентство, да?

– То самое, то самое, – кивнула я. – Ты обещаешь, что передашь визитку Егору?

– Ребята говорили, что вы вчера дали жару... – он продолжал внимательно меня разглядывать. – Слушайте, а вы, случайно, не та самая Маргарита Громова, ну, из нашей сборной по волейболу?

– Ты же говорил, что не любишь эту игру! – я была неприятно поражена, что так ошиблась в человеке. Впредь буду осторожнее!

– Я ничего такого не говорил! У меня вчера голова жутко болела, я вообще мало что соображал.

– Зато теперь ты реабилитировался сполна!

– А зачем вы скрываете такую биографию? Да я бы на вашем месте...

– Не желаю тебе оказаться на моем месте! – жёстко прервала я его. – Батраз, я могу надеяться, что ты выполнишь своё обещание?

– Конечно! – он вытянулся в струнку. – Я передам вашу визитку Егору, но позвонит ли он вам – за это ручаться я не могу.

– Если судьбе будет угодно – позвонит. Спасибо тебе, Батраз.

Улыбнувшись на прощание, я резко развернулась и направилась к выходу. Я была собой очень недовольна.

Они стояли прямо в огромной луже, эти смешные девчон-

ки. Босиком и без зонтов. У кого-то из них в кармане громко разливался Кузьминым плеер, а они прыгали в мутной воде, крепко взявшись за руки, мокрые, со спутанными волосами и довольными счастливыми рожицами, и орали на весь Фи-агдон:

– Симо-о-она! Девушка моей мечты-ы-ы!! Симо-о-она! Королева красоты-ы-ы!! Парам-пам-пам-пам-парара-пам...

Никогда ещё я так никому не завидовала, как этим юным созданиям. Завидовала их энергии, их бурлящему веселью, их лёгкому отношению к жизни, а больше всего – их дружбе. Тому, чего лишала себя сознательно всю свою жизнь...

Глава 24

– Так быстро? – Лиза всплеснула руками. – Может быть, ещё погостите, Маргаритка? И малышке твоей тут так хорошо, подумай сама! Чистый воздух, тишина...

– Мы и так задержались, Елизавета Борисовна! Но я обещаю, что в следующем году обязательно приедем к вам с Василисой. Может быть, даже Фёдора сможем вытащить...

– Это было бы просто чудесно! – обрадовалась женщина.

– Смотри, птичка моя, сдержи своё обещание! – Михаил Сафарович сжал мою ладонь. – Ты ведь не пожалела, что приехала к нам?

– О нет! – я крепко обняла старика. – Спасибо вам, что вытащили меня сюда, это было самое счастливое время в моей жизни!

– Я же говорил! – он похлопал меня по спине и отстранился. – Ты загорела и вообще замечательно выглядишь! А помнишь, старуха, какая она к нам приехала?

– Бледненькая, – кивнула Лиза.

– Скорее, зелёненькая, – усмехнулся Михаил. – А теперь совсем другой человек! Вот что творит чудесный воздух Осетии!

Он прошептал мне на ухо:

– И душа твоя успокоилась, правда?

– Всё-таки вы телепат, Михаил Сафарович! – так же тихо

прошептала я.

Глава 25

– Алло! – В одной руке у меня был чемодан, в другой – спящая Василиса, между плечом и ухом – телефонная трубка. Светлана Юрьевна бодро семенила сзади.

– Ну наконец-то я слышу ваш голос, Маргарита! Где вы сейчас?

– В Домодедовском аэропорту, Иван Семёнович! Не представляете, сколько тут народу! Я уже отвыкла...

– Привыкайте! – усмехнулся доктор и связь оборвалась.

Интересно, успеет ли Фёдор нас встретить или придётся брать такси? Я знала, что у него сегодня должна быть важная встреча, но он обещал что-нибудь придумать...

– Вот это неожиданность! – опешила я и даже на мгновение остановилась, увидев в толпе встречающих знакомое лицо. – Иван Семёнович, а вы откуда тут взялись?

– Любопытство – это грех, Маргарита. Давайте свой чемодан.

– Любопытство – двигатель прогресса, милый доктор, – усмехнулась я, передавая ему поклажу. – А Фёдора Васильевича вы тут не видали? Он сомневался, сможет ли нас встретить, но вдруг...

– Он не смог, Марго, и попросил меня это сделать.

– А, тогда мне понятна ваша осведомлённость! – Признаться, мне стало легче оттого, что Фёдора нет. Я боялась

посмотреть ему в глаза, боялась, как бы ни храбрилась я сама перед собой.

– Как вы долетели?

– Просто замечательно! – ответила Светлана Юрьевна. – Василисушка всю дорогу спала.

– Вот и хорошо!

– А вы как прожили это время без нас, Иван Семёнович?

– Без вас мне было скучно, Маргарита Станиславовна! – весело ответил доктор.

– Судя по вашему голосу, вас это не сильно огорчало, – хмыкнула я.

– Вам показалось, Марго, я страдал.

– Ну-ну, – рассмеялась я и вдруг выхватила из толпы бегущих туда-сюда людей знакомое лицо. – Егор!

– Знакомого увидели, Маргарита?

– Нет, показалось...

Конечно, это оказался не он. Парень, похожий на Егора, повернулся ко мне спиной, а потом и вовсе исчез среди людей. Дался тебе этот человек, Марго! – разозлилась я сама на себя.

На удивление, до дома мы доехали достаточно быстро, почти не останавливаясь по дороге. Василиса спокойно лежала на моих руках, думая о чем-то своём, и я вдруг начала понимать, что уже не могу, как раньше, быть ею, видеть её глазами и дышать её лёгкими. Физическая связь, ещё пару недель назад прочная, как гимнастический канат, стала истончатъ-

ся, превращаясь в тоненькую, почти невидимую, нить. Когда-нибудь она исчезнет вовсе, с грустью подумала я.

Зайти ко мне доктор отказался.

– Фёдор наполнил ваш холодильник, так что первое время нуждаться не будете. Отдыхайте, Маргарита!

– У вас же сегодня выходной, Иван Семёнович, куда вам спешить?

– А вы думаете, что у меня своих дел нет? – он спокойно смотрел на меня. – Кстати, поездка пошла вам на пользу, у вас замечательный цвет лица.

– Это всё, что вы имеете мне сообщить?

– Пока всё, – он усмехнулся.

– А вы злопамятны, доктор Арсеньев!

– Вам показалось, Маргарита Станиславовна. До свидания!

– И вам не хворать! – хмуро ответила я.

Глава 26

Двадцать лет я угрохала на то, чтобы поддерживать в себе этот обман. Когда я начинала думать об этом, всё во мне переворачивалось от злости и ненависти к самой себе. Двадцать лет! Именно столько времени мне казалось, что я отношусь к Фёдору как к любимому мужчине, и именно столько времени я нещадно стыдила себя за это чувство. Нет страшней казни, чем распятие самого себя.

– Мне нужно поговорить с тобой... – с этой фразы я начала, когда открыла входную дверь.

– Поговорим, – легко согласился отчим, переступая порог и вручая мне букет шикарных белых роз. – Только сделай мне сначала крепкий кофе, я вымотался, как ездовая собака.

– Конечно! Проходи, я сейчас.

– Она подросла и даже будто на тебя стала похожа, – он разглядывал девочку с каким-то удивлением, словно впервые видел её. Василиса смотрела на него своим серьёзным взглядом. Очень надеюсь, что характером она будет не в меня.

– Фёдор... – сегодня это имя далось мне с трудом. – Прости тебя, расскажи мне о... маме.

– О маме? – он замер. – Ты серьёзно? Ты на самом деле хочешь о ней узнать?

– Да. Просто расскажи и ничего у меня не спрашивай. Пожалуйста.

– Хорошо. – Он помолчал минуту. Я терпеливо ждала. Время теперь не имело никакого значения. – С чего же мне начать... Твоя мама была удивительной девушкой. Очень искренней, тонкой и ранимой. В наши дни о таких качествах можно только мечтать. Я увидел её в ресторане, где она работала официанткой...

Взгляд его затуманился.

– Она совсем не приспособлена была для такого места, уж очень незащищённой была её душа. Я полюбил её сразу, как только увидел. И сразу же нашёл ей другую работу, у себя в конторе.

– Сколько ей тогда было лет?

– Девятнадцать. Два года я добивался её благосклонности. Она не верила мне, она всё боялась ошибиться, как ошиблась уже однажды. О твоём существовании я узнал уже потом. Нина боялась мне рассказать о тебе, ей почему-то казалось, что я брошу её, узнав, что у неё есть ребёнок и что родила она его в шестнадцать лет. Но всё тайное когда-нибудь становится явным. Однажды я застал её всю в слезах, и, так и не сумев придумать правдоподобную ложь, она во всём повинилась. Через пару дней после этого тяжёлого разговора мы поехали за тобой.

– Значит, это правда...

– Тебе было почти шесть лет. К несчастью, мы так и не

смогли тебя увидеть. Твоя бабушка сказала, что тебя нельзя волновать, что у тебя может быть нервный срыв и тогда никакая родная мать тебе уже не поможет.

– Нервный срыв? – у меня даже рот открылся от удивления.

– Так сказала Ирина Алексеевна. Она даже какую-то справку хотела показать, будто бы ты состояла на учёте у невролога, но Нина расплакалась, обвинила во всём себя и даже меня слушать не стала. Мы уехали тем же вечером и вернулись только через шесть лет, после звонка твоей соседки.

– Если это правда, если всё было на самом деле так, как ты говоришь, зачем же потом маме надо было уезжать от нас, когда всё стало хорошо? Почему она ушла??

– Я тоже мучился этим вопросом, девочка моя. Пока однажды в вещах Нины не нашёл кое-какие бумаги...

– Бумаги?

– С результатами её анализов. Нина, оказывается, давно знала, что неизлечимо больна, и стоило мне тебя удочерить... В общем, она решила не класть тяжкое бремя на наши с тобой плечи.

Слезы застилали мои глаза, но я терпела изо всех сил. Мне нужно было узнать до конца всю правду.

– А ты знаешь, кто мой отец? Мой биологический отец? Она... мама говорила тебе?

– Говорила, – со вздохом признался отчим под моим пристальным взглядом. – Но я ни разу его не видел.

– Кто он?

– Они с Ниной учились в одном классе. Это была её первая любовь.

– Он сделал ей ребёнка и бросил её?

– Насколько я знаю, его мамаша отправила сына в другой город, подальше от ответственности. Ты хочешь его найти?

– Разве что только для того, чтобы набить ему морду!

– Кто знает, сладко ли ему самому сейчас живётся...

– А ты никак защитити его хочешь?

– Маргоша, вот что я тебе скажу: твоя мать простила его и заставила меня поклясться, что я никогда не причиню ему зла. Я не могу нарушить своё слово.

– А тётя Даша так и умерла, ничего мне не сказав... – про-
бормотала я.

– Так ты знаешь, что это был её сын??

– Теперь знаю! – мрачно сказала я. – Ты не представляешь, сколько грязи она вылила на мою мать! Тридцать девять лет я живу с этим!! Эта ложь пропитала мою кожу и проникла в кровь. Она отравила меня.

– Не говори так, девочка моя! – он обнял меня.

– Что мне теперь делать? Как мне с этим жить? Ты знаешь, что меня терзает больше всего? Что я уже никогда не смогу попросить прощения у собственной матери!

– У тебя теперь есть дочь. Отдай ей всё, что не было отдано за эти годы. Люби её, как любила тебя твоя мать.

Больше я сдерживаться не могла. Я уткнулась носом в его

плечо и разрыдалась, как девчонка.

– Я никогда не видел, как ты плачешь, дочь моя, – он нежно провёл рукой по моим волосам. Я всхлипнула и подняла голову.

– Надеюсь, ты видишь это в первый и последний раз, папа! Отныне я собираюсь жить счастливо и радостно, чего бы мне это ни стоило!

– Узнаю мою королеву Марго! – он улыбнулся. – Я не понял, а где мои кавказские подарки? Миша сказал, что передал для меня кое-что! Зажилила?

– Как всегда! – я вытерла ладонью глаза, и глубоко вздохнула. Всё, хватит распускать нюни, Марго, надо начинать жизнь!

Часть 2

Глава 1

– А мне показалось, что ты скрываешься от этой тётки!

– Ты идиот, Батраз! – голос Егора звучал очень сердито. –

На фига она мне сдалась?!

– Тебе видней! – ехидно произнёс Батраз. – Ну что, запишешь её телефон?

– Сейчас, подожди, ручку найду... Диктуй!

– Интересно, что ей от тебя нужно?

– Что же ты у неё сам не спросил? – поддел приятеля Егор.

– Если бы ты слышал, каким тоном она со мной разговаривала, ты бы тоже сдрейфил!

– Не похоже на тебя!

– Хотя вообще-то она клёвая... – задумчиво протянул Батраз. Он никак не мог решить, какую пользу можно извлечь из знакомства с этой холёной дамочкой. Ничего, придёт время – что-нибудь придумаем.

– А по-моему, обыкновенная блондинка. К тому же немолодая.

– Обыкновенная – да не обыкновенная! – Батраз так и не дошёл до сведения приятеля информацию о её месте работы. Зачем? Она ведь просила передать только номер её телефо-

на! – Ладно, я пойду. Ты когда уезжаешь, кстати?

– Скоро, – туманно ответил Егор. – Ну всё, пока, Батик, привет нашим...

– Пока, Егор! Надеюсь, в этот раз тебе повезёт!

– Повезёт, иначе и быть не должно! – вслух сказал Егор, нажав кнопку отбоя. О настойчивой женщине он старался не думать, но мысли сами настигали его, будоража и ухудшая настроение. Зачем он нужен ей? Неужели она о чём-то догадывается?

– Егор, иди обедать! – донёсся из кухни громкий голос.

– Иду, дед!

Он отшвырнул в сторону трубку, небрежно запихал в карман бумажку с номером телефона и открыл дверь. Перезванивать Маргарите он не собирался.

– Возьми ещё! – дед заботливо подвинул к нему миску с котлетами. – И не чавкай!

– Ну что ты со мной, как с маленьким! – недовольно фыркнул Егор. – Если кто-то забыл, я уже тридцатку разменял!

– А ума так и не набрался!

Дед был широкоплеч и прям. Весной ему стукнуло семьдесят девять лет, но тело его до сих пор было крепко, а голова соображала так же быстро, как и полвека назад. Они жили втроём: Егор, его отец, которого он обожал, и дед Николай. Мать Егора скончалась при родах.

– А батя где? – Егор нехотя подковырнул вилкой кусочек котлеты. Кажется, он уже наелся.

– На работе, где же ещё ему быть? А ты чего такой смурной? Опять Маринка звонила что ли?

– Да, – соврал Егор. – Скажи, дед, они все такие доставучие, эти девки?

– Во-первых, не девки, а девушки, – строго поправил его старик. – А во-вторых, если не любишь её – так ей и скажи, нечего девочке голову морочить!

– Да тыщу раз говорил! – с досадой ответил парень. – Как будто ты не знаешь!

– Значит, плохо говорил!

– Ладно, уеду – сама забудет про меня. С глаз долой – из сердца вон!

– Яблочко от яблоньки... – непонятно пробормотал старик и встал. – Ты вещи собрал уже?

– Почти. Кстати, ты не знаешь, куда мои кроссовки делись, жёлтые? Я весь дом облазил...

– Я их выбросил давно, – пожал плечами дед. – Они же порвались, ты что, забыл?!

– Как выбросил? Мне же их отец подарил!

– Я помню, он в детстве тебе велосипед дарил, трёхколесный. Может быть, его тоже не надо было выкидывать? – съязвил старик.

– Много ты понимаешь! – нахмурился Егор и тоже встал. – Спасибо, я сыт. Пойду собираться.

– Давай.

Дед привычно встал к раковине, заполненной грязной посудой. На душе у него было беспокойно. Почему-то вспомнились события многолетней давности, которые до сих пор терзали его сердце. Он механически тёр мыльной губкой тарелку, а перед глазами пробежали картинки из прошлого. Он не мог с этим ничего поделать. Помирать, наверное, скоро, равнодушно подумал он, душа готовится к страшному суду. В Бога он не верил, но знал, что существуют другие законы, человеческие, по которым каждый получает по заслугам в этой жизни.

– Эхма...

Старик с громким стуком закрыл дверцу кухонного шкафа. Ни к чему теперь думать о прошлом, разве что-то изменится от этого? И сын его счастливее не станет, и внуку радости не прибавится. Ещё раз тяжело вздохнув, он поправил криво висящее полотенце и медленно направился в свою комнату.

Глава 2

Ночь перед отъездом Егора дед провёл в невесёлых думах.

– Пап, ты чего? Не спится? Что-то болит? – в комнату тихонько заглянул Алексей.

– Все в порядке, Алёша. – Дед перевернулся на другой бок. – Не волнуйся, ложись.

– Переживаешь? – Сын все-таки зашёл. – А я уверен, что на этот раз всё будет хорошо, поступит Егорка, вот увидишь!

– Да разве это главное? – не выдержав, дед сел. Луна светила прямо ему в лицо.

– А что? – Алексей присел рядом на стул. – Что ещё может быть важнее для молодого юноши, чем серьёзная карьера?

– Душа, Алёша, вот что! – вырвалось у деда, и он поморщился. Он сам не любил пафосные слова. Видно, и правда жизнь к последней станции катится, раз такие мысли стали появляться в его всегда разумной голове.

– Что-то я тебя не пойму, отец!

– Я сам себя не понимаю! – досадливо ответил старик. – Устал я, весь день на ногах, вот и болтаю невесть что. Иди ложись, сынок.

– И всё-таки к чему-то ты это сказал, – не поверил Алексей. – Объяснись. Знаешь же, что теперь не усну.

– Пустой разговор, – дед опять положил голову на подушку. – Иди.

– Ладно, потом поговорим. После Егоркиного отъезда. Алексей встал.

– Поговорим, – буркнул старик и закрыл глаза.

Ему приснился странный сон. Маленькая девочка в коротком синем платице сидела у него на руках. Он узнал её, эту девчушку, её мягкие волосики, похожие на белый пух, и глаза цвета изумруда. Она молча глядела на него, и он чувствовал тугой комок у себя в горле. Проснулся дед с ясным предчувствием каких-то перемен.

Егор тоже долго не мог уснуть. Он лежал на застеленном диване, подложив руки под голову, и вспоминал. Эта женщина с белыми волосами, зачем она вошла в его жизнь? Он был так счастлив, а она всё сломала! Нет, всё начало рушиться раньше, когда он встретил ту старуху... Он всегда был достаточно чуток к тонким проявлениям жизни, и необъяснимое предчувствие чего-то страшного охватило его сразу же, как только он увидел старый дом. Но и тогда ещё не поздно было повернуть назад, если бы не дикое желание нарисовать это место. В то утро вообще много было странностей, взять хотя бы смешного мальчишку с голубыми, как небо, глазами, который рассказал ему о таинственном доме на горе.

– Там сбываются мечты! – восторженно сказал ему этот ребёнок.

– Откуда ты знаешь?

– Весь Фиагдон знает, – уверил его мальчишка. – Стоит только подойти к этому дому, взяться за ручку двери и за-

гадать желание – оно сбудется непременно! Только желание это должно быть чистым, как слеза ребёнка.

– Как твоя слеза? – усмехнулся тогда Егор, всей душой желая верить ясноокому мальцу.

– Я не ребёнок! – кажется, мальчишка обиделся. – А ты можешь спросить у любого в посёлке, врёт Алёшка или нет.

– Алёшка? – переспросил Егор, замерев сердцем.

– Да, так меня зовут! – звонко крикнул мальчишка. – Но не всякий сможет добраться туда. А только тот, кому это действительно нужно, понимаешь?

– Сказки, – хмыкнул тогда Егор, но про себя решил забраться на гору обязательно. Что он и сделал в тот же день.

Путь туда был действительно нелёгкок. Один раз Егор даже чуть не сорвался, его спас маленький кустик, крепко вросший в отвесный склон. Дом оказался именно таким, каким он его и представлял. Но подходить к двери он сразу не стал. В рюкзачке за спиной у него лежали альбом и коробка с углём, и Егор тут же сделал несколько быстрых набросков, переходя с одного места на другое. Лишь только когда альбом вновь оказался в своём тёмном убежище, Егор подошёл к дому.

– Сим-сим, откройся, – негромко пробормотал он, усмехнувшись, и потянулся к ржавой ручке, но дотронуться до неё не успел. Дверь распахнулась так резко и так неожиданно, что Егор чуть не упал назад. На пороге дома стояла старуха. Её глаза синели лазурью, вбирая в себя небесный свет.

– Пришёл! – спокойно сказала она, кивнув удовлетворённо.

Егор промолчал. Гортань его словно сковало.

– Заходи, чего стоишь? – бабка сделала шаг вглубь дома и повернулась к нему спиной. Егор в растерянности продолжал стоять, в голове его была пустота.

– Ну? – она остановилась. – Испугался, что ли? Меня, старуху?

– Ничего я не испугался, – проворчал он и переступил порог дома. Дверь за ним бесшумно закрылась, но это его уже не испугало. Он решительно направился за бабкой, с любопытством осматриваясь по сторонам...

Дальше вспоминать Егор не хотел. Усилием воли он заставил себя думать о предстоящей дороге и вскоре заснул, положив ладони под щеку, как засыпал всегда. Молодой сон крепок и глубок.

Глава 3

Неприятной неожиданностью было увидеть на вокзале Маринку.

– Ты зачем пришла? – грубо спросил её Егор, отведя в сторонку. Отец с дедом тактично повернули головы в другую сторону.

– Егорка, пожалуйста, не прогоняй меня! – Её щеки покраснелись, а глаза налились слезами. – Я обещаю, что это в последний раз! Честное слово!

– Ты меня достала уже! – резко отрезал он. – Никакой женской гордости! А если я скажу тебе под поезд прыгнуть, прыгнешь?

– Ты действительно этого хочешь? – тихо спросила девушка.

– Я хочу, блин, чтобы ты исчезла из моей жизни навсегда! Это можно понять в конце концов?

– Я поняла, Егор. Поняла...

Она попятилась, а потом бросилась бежать от него вдоль перрона. Он сплюнул на землю. Отец с дедом переглянулись.

– Всё в жизни повторяется, не так ли, Алёша? – тихо сказал дед.

– Да брось, отец, обычная история.

– Тебе видней.

Старик нагнулся за чемоданом. Подавали состав.

– Ты что, пап, я сам понесу!

Алексей перехватил поклажу у отца и посмотрел на сына. Тот стоял неподвижно, направив взгляд на что-то внутри себя. «Как он похож на мать!» – вдруг подумал Алексей и на секунду прикрыл глаза. Вспоминать о жене ему до сих пор было невероятно тяжело.

– Егор, пора! – дед осторожно тронул внука за плечо. Вздрогнув, тот повернулся к своим.

– Да-да. Пап, я сам понесу, оставь!

– Ты лучше у деда сумку возьми, она тяжёлая!

После внезапной смерти жены Алексей твёрдо решил, что больше никогда не женится. Анну он любил до беспамятства, и в первое время ему настолько было больно, что даже на грудного сына смотреть не было сил – он винил его в смерти своей жены, проклиная тот день, когда они с Анной решили завести ребёнка. Как будто мало им было друг друга! Все заботы о малыше взял тогда на себя его отец. Сейчас Алексей с ужасом думал о том, что было бы, если бы рядом с ним не было этого человека. А ведь он даже малодушно собирался сдать ребёнка в детский дом!

Очнулся он, когда мальчику исполнился год. До сих пор Алексей с содроганием вспоминал тот случай, который мог окончательно разрушить его жизнь. Дед и сейчас не мог спокойно об этом говорить.

– Ты висел на волоске от смерти, сынок, – рассказывал Егору отец. – Воспаление лёгких. Врачи разводили руками,

объясняя нам, что уже поздно что-либо делать, но твой дед оказался крепким орешком. Он поднял на ноги лучших специалистов, дежурил у твоей кровати, не смыкая глаз, и всё-таки выходил тебя...

– Твой папаша тоже оказался парнем не промах, – всегда повторял дед. – Без него мы бы точно не справились.

Именно после самоотверженной битвы за собственного ребёнка Алексей как будто сам заново родился на свет. С той же силой, с которой раньше он обвинял малыша, принялся он оберегать и обожать его. Глаза ребёнку достались папины, оливковые, лицом же мальчик оказался в мать. С каждым годом он становился все больше на неё похож, проливая бальзам на истерзанное болью сердце отца.

– Позвони сразу же, как только доедешь! Слышишь? Не забудь!

– Да что я, ребёнок, что ли?

– Ты для нас всегда ребёнок, хочешь ты этого или нет, – буркнул дед.

– Да ладно вам, мужики, я же не на Северный полюс еду! Не пропаду!

– Вот эту штуку тёте Свете отдай, – отец вручил Егору какой-то маленький пакетик. – Тут семена, она давно просила. Не потеряй!

– Ладно! – Егор засунул пакет в кармашек сумки и откинулся на мягкую спинку. Скорее бы уж поехать. В последние дни разговаривать с отцом ему было тяжело.

– И не переживай, сынок! Я уверен, что ты поступишь! – Алексей истолковал нервное состояние сына по-своему.

– Конечно, поступит! – поддакнул дед. – А за нас не волнуйся, всё у нас будет тип-топ.

– Ну, дед, ты даёшь! – рассмеялся парень. На душе у него потеплело. Да что я, в самом деле, они же самые близкие мои люди! Мало ли что наболтала эта старуха, что я, каждой гадалке теперь верить буду?

– Егорка, ты уж береги себя, сынок! И не забывай, что Москва – это не Владикавказ!

– Спасибо, что напомнил, папа! – усмехнулся Егор. – Ну всё, родственники, перестаньте сопли жевать, Маринкиных мне вот так хватило! Идите! Пять минут до отправления осталось.

– Пять минут? – Дед с отцом засуетились, наскоро обняли внука и сына и побежали к выходу.

Они покинули перрон, только когда последний вагон скрылся в сиреневой дали. У обоих на душе было мрачно.

Глава 4

Когда встал вопрос о том, где жить мальчику во время сдачи экзаменов, они долго не могли прийти ни к какому решению. В Москве родственников не осталось, а знакомых, настолько близких, к кому можно было бы попроситься на постой, не было. В общежитии поселять домашнего ребёнка не хотелось. Правда, сам Егор был на этот счёт другого мнения.

– Я не понимаю, зачем кого-то просить, если я могу спокойно пожить и в общежитии?

– Ты не знаешь, что такое московское общежитие, Егор! – Дед с отцом боялись тлетворного влияния огромного мегаполиса на мальчика.

– Можно подумать, вы оба знаете!

– Не знаем, но наслышаны. Не перечь старшим, Егор!

О Светочке Безруковой, бывшей однокласснице Алексея, вспомнили очень кстати.

– Она всегда была доброй девочкой, – обрадованно сообщил Алексей, когда поговорил с ней по телефону. – Тебе повезло, родственников у неё нет, она живёт одна. Кстати, она сказала, что собирается куда-то уезжать и с сентября будет искать квартирантов. Так что к началу учебного года квартиру снимем у неё. А пока поживёшь бесплатно, как гость.

– Да я ещё не поступил, папа!

– Поступишь! – уверенно сказал Алексей. Всё складывалось очень удачно.

О своей московской жизни Алексей Власов никогда сыну не рассказывал. Зачем? Это было так давно, что сейчас казалось, что не было вовсе. К тому же многое со временем стало забываться. А то, что не забылось, ворошить не стоило. Ни к чему хорошему оно привести не может, так для чего нервы рвать лишний раз? И так жизнь не сахар. Правда, отец, кажется, был с Алексеем не согласен.

– Ты должен ему обо всём рассказать.

– А смысл?

– Смысл есть только в правде.

– Но я же ему и не вру! – Алексей был уверен в своей правоте. – Ну подумай сам, отец, зачем ворошить прошлое, если и свидетелей этого прошлого не осталось?

– А мы с тобой разве не свидетели?

– Я не хочу об этом говорить!

– А Светлана? Ты уверен, что она не сболтнёт? Не лучше ли, чтобы мальчик узнал обо всём от тебя, а не от чужих людей?

– Светка училась с нами до восьмого класса, она ничего не знает, папа!

– А ты и рад, – пробурчал недовольно дед. – У меня нехорошие предчувствия, Алёша...

– Тебе просто кажется, дорогой мой! – Алексей обнял ста-

рика за плечи. – Ты устал, ночью плохо спал, за Егорку переживаешь, вот тебе и беспокойно. Поверь мне, всё образуется! Егор сдаст экзамены на отлично, будет учиться в Москве, найдёт себе девушку, там, глядишь, и правнуков будешь нянчить...

– Не доживу! – Старик упрямо наклонил голову. – Одумался бы ты, Алёша! Ведь тоже не мальчик! О душе пора подумать...

– Ну что за бред, папа! – Алексей поморщился. – Всё, я иду спать, чего и тебе желаю! Доброй ночи!

– Эхма...

Глава 5

Егор восхищался и гордился отцом с раннего детства. О случае, когда его папа в одиночку справился с тремя отморозками, знал каждый в их дворе, а тётя Маша, честь которой, собственно, и защищал Алексей, по сей день в ножки кланялась отважному соседу. Его папа был самым храбрым человеком в городе, это маленький Егор знал точно. И сомневаться в этом значило предавать своего отца. Именно об этом думал сейчас Егор, равнодушно скользя взглядом по мелькающим пейзажам за окном. Чем дальше от родного города отъезжал поезд, тем гадостнее становилось у парня на душе. Проверить слова, услышанные от фиагдонской старухи, он мог, только поговорив с отцом, но спрашивать-то он и не имел права. И что ему оставалось? Мучиться в одиночку или позвонить той тётке, которая уж точно бы развеяла все его сомнения. «Не хочу даже думать об этом!» – решительно воскликнул он про себя и яростно взбил хлипкую подушку. Все печали заберёт сон, говорил ему всегда дед. Этому жизненному правилу он сейчас и собирался следовать.

Утро не принесло ему облегчения. Он не спускался с верхней полки весь день, то окунаясь в неглубокий сон, то выплывая на поверхность. К вечеру на душе стало совсем тоскливо. «Хоть бы Маринка позвонила, что ли! – угрюмо думал он, лёжа с закрытыми глазами. – А почему, кстати, она не

звонит?»»

Егор резко сел, больно ударившись головой о третью полку. Не обращая внимания на ушиб, он принялся лихорадочно набирать привычные цифры.

– Ну давай, возьми уже трубку! – бормотал он, безнадёжно отсчитывая долгие звонки.

Несколько десятков раз он нажимал повтор – девушка не отвечала.

– Чёрт тебя возьми! – он стукнул кулаком по стене.

Из соседнего купе послышался недовольный возглас. Этот голос отрезвил его.

«Да что я завёлся из-за какой-то дуры! – зло подумал Егор и опять лёг. – Небось, специально трубку не берёт, чтобы заставить меня нервничать. Не на того напала!»

Он закрыл глаза и вскоре сон вновь сморил его.

Вставать предстояло очень рано...

Глава 6

Выйдя из лифта, Егор остановился. Кажется, сюда. Он нажал на кнопку звонка и замер в ожидании. Рано проснувшись и проделав непривычно долгий путь в метро, он сейчас чувствовал себя вялым.

– Вы что-то забыли, ма... – Дверь распахнулась, и на пороге квартиры показалась молодая девушка с грудным ребёнком на руках. Её речь оборвалась на полуслове.

– Здравствуйте, – озадаченно произнёс Егор после паузы. Надо же, а ведь отец говорил, что его одноклассница проживает одна!

– Вы к нам? – удивлённо спросила его девица.

– А Светлана Юрьевна дома?

– Светлана Юрьевна? – девушка задумалась. – Ах, Светлана Юрьевна! Она живёт в соседней квартире! Вы ошиблись!

– Ох, извините, пожалуйста! – смутился Егор.

– Да ничего страшного! – Улыбнувшись, молодая мамаша закрыла дверь. Егор вздохнул. Что это с ним? Он же точно помнил номер квартиры папиной одноклассницы, зачем надо было звонить в соседнюю? Не иначе, морок, охвативший его сразу же, лишь он ступил на платформу Казанского вокзала, продолжал сбивать с пути. Он повернулся к соседней двери.

– Егорка! – радостно воскликнула женщина, едва откры-

ла ему дверь. – Как ты на отца похож! Просто одно лицо! Заходи же скорей!

– Бери ещё, не стесняйся! – она подвинула к нему тарелку с горячими пирожками. – Оголодал в дороге, небось!

– Спасибо, Светлана Юрьевна! Очень вкусно! – он с удовольствием взял ещё один пирожок с мясом. У деда никогда не получались изделия из теста, а сам он готовить не умел.

– Ну, рассказывай, как вы живёте? Как папа? Я ведь про него совсем ничего не знаю.

– Отец работает, всё хорошо... – односложно ответил Егор. Он не любил расспросы о своей семье.

– А давно вы уехали из Москвы? Я, честно говоря, удивилась, узнав, что Алексей перебрался на Кавказ!

– В Осетии мы живём не так давно, Светлана Юрьевна. Почти двадцать лет дед с отцом прожили в Обнинске. Я тоже там родился.

– В Обнинске?

– Да, это дедовская родина. Там находится лучшая в России школа волейбола.

– Ах, вот в чём дело! – догадалась хозяйка квартиры. – Значит, твоего отца отправили в Обнинск специально, чтобы он продолжал свою спортивную карьеру? Я очень хорошо помню, что Лёша блестяще играл в волейбол.

– Он до сих пор это делает блестяще! – с гордостью сказал юноша. – Правда, теперь он больше тренирует, чем сам

играет.

– Да... – Безрукова задумчиво поправила очки. – Как давно это было... А я почти ни с кем из своих бывших одноклассников не общаюсь. Я ведь последние классы училась в другой школе, родители переехали в северный район Москвы, и мне пришлось поменять учебное заведение – добираться с Водного стадиона в Сокольники было неудобно и далеко.

– Мне тоже пришлось пройти через две школы, – Егор улыбнулся. – Так что у нас с вами – одинаковый опыт за плечами.

– Это точно! Значит, теперь ты решил вернуться в город твоего отца... Конечно, в Москве после Кавказа будет нелегко. Кстати, ты знаешь, что я...

Негромкое треньканье прервало женщину на полуслове. Она извинилась и подошла к телефонному аппарату, стоящему на журнальном столике.

– Да, Николай Николаевич, приехал, уже у меня!

– Вот чёрт, забыл позвонить, – пробормотал Егор с досадой. – Привет, дед! А у меня в телефоне батарейка села...

– По сравнению с тем, что случилось – это ерунда, внучек... – голос деда был каким-то потухшим.

– Что-то с отцом? – больно дёрнулось сердце Егора.

– Звонила мать Марины.

– И что?

– Твоя девушка пыталась покончить с собой.

– Вот дура! – Егор нахмурился. – Она жива?

– В реанимации. Большая потеря крови. Врачи ни в чём не уверены...

– Как это всё не вовремя!

– Не вовремя? – повторил дед. – Это всё, что ты можешь сказать?

– А ты хочешь, чтобы я её пожалел, что ли? Не я же её заставлял вены себе резать!

– Я думаю, тебе ещё кое-что нужно знать... – после долгой паузы медленно произнёс старик.

– Не тяни, дед!

– Её мать сказала, что Марина беременна.

– А я тут причём?

– Ты хочешь сказать, что это не твой ребёнок?

– Конечно, нет! – Егор с силой сжал трубку.

– А Альбина Сергеевна считает по-другому.

– Мало ли что она считает! Мы с Мариной уже давно... не были вместе.

– Насколько давно?

– Дед, ты что, мне не веришь? Между прочим, Маринка не только со мной гуляла... Алло, ты что молчишь? Дед!

– Егор! – трубку перехватил Алексей. – Ты не переживай, мы разберёмся с этим сами, а тебе нужно думать только о поступлении. Обязательно сегодня сходи в институт, всё узнай!

– Да, схожу, схожу, пап! Что там дед, сильно расстроился?

– Всё в порядке, не думай об этом. Привет Светлане Юрьевне!

– Вам привет от папы... – Егор в задумчивости положил трубку на рычаг.

– Что-то случилось, Егор?

– Нет-нет, всё хорошо. – Он почувствовал отвратительную горечь во рту. – Вы объясните мне, как доехать до института?

– Конечно! Сейчас только ручку возьму...

То, что он всё-таки добрался до института, можно назвать огромным везением. Всю дорогу в голове Егора крутились мучительные мысли о Маринке. Значит, у неё кто-то был ещё? Может быть, она и на вокзал приходила за тем, чтобы рассказать ему об этом, а он, балда, её не понял... Интересно, с кем же эта дурёха встречалась? С Артуром Мхитаряном? Вроде бы он неровно дышал к Маринке. Да нет, ерунда какая, он не мог! Или мог? А может быть, это Вовка Исаев? Егор помотал головой. Сейчас можно предполагать всё, что угодно, но легче от этого не станет. Ладно, вечером позвоню Маринкиной сестре, наверняка она в курсе случившегося, – решил Егор и остановился. Он добрался до места своего назначения. Вот и славно.

– Ушам своим не верю! – голос Инги звучал язвительно. – Неужели это сам Егор Власов? С ума сойти! Вы, случайно, номером не ошиблись, молодой человек?

– Хватит придуриваться, Инга! – Егор поморщился. Ни-

когда он не любил Маринкину старшую сестру, выскочку и ехидну. – Лучше скажи, как там твоя сестра? Ей лучше?

– А с чего это вдруг такая забота? Ты не заболел, Власов?

– Послушай, если тебе в падлу мне по-человечески ответить, я позвоню Ире Тархановой, у неё наверняка с головой всё в порядке! Ну?

– В реанимации Маринка. Из-за тебя, поганца, – после паузы дрогнувшим голосом ответила девушка. – Сколько раз я её предостерегала, чтобы она с тобой не связывалась...

– Не причитай, по существу ответь! Ей лучше?

– Врачи делают всё возможное. И невозможное тоже... Егор, ну зачем она так, а? – девушка всхлипнула. Егора будто током пронзило. До него только сейчас дошло, вот в эту самую секунду, какое несчастье случилось. И виной всему он, только он!

– Инга, может быть, лекарства какие-нибудь нужны? Ты можешь узнать? Я... пришло...

– Егор, я прошу тебя, я умоляю тебя – держись от Марины подальше! Слышишь? Никогда больше нам не звони! Никогда!!

В трубке слышались гудки. Егор медленно убрал телефон в карман и поднялся. Тут же к лавочке бросилась какая-то девчушка.

– Мама, иди сюда, тут свободно!

Не оглядываясь, Егор пошёл к выходу из сквера. Нещадно разболелась голова.

Глава 7

– Дети отвечают за грехи родителей.

– Что за ерунда, отец! – Алексей вот уже несколько минут мерил комнату шагами, пытаясь унять ноющую боль в груди. Его отец полулежал в своей кровати. Бледное лицо почти сливалось с белой простыней.

– Это закон справедливости, сынок.

– Разве я не сполна ещё расплатился за свой грех? Судьба отняла у меня любимую жену, ты думаешь, этого мало?

– Я не знаю, Алёша. Я только чувствую, что от брошенного в воду камня ещё расходятся круги...

– Всё когда-нибудь заканчивается!

– Лишь бы не было поздно, сынок!

– Да что ты меня пугаешь, отец? Ну хорошо, предположим, я расскажу обо всём Егору. Разве это может спасти Марину и её ребёнка?

– Твою внучку... – старик невидяще смотрел на стену.

Что-то странное промелькнуло в его глазах.

– Егор же сказал, что ребёнок не его!

– Ты прав, Алёша! – дед резко откинул одеяло. – Ты расплатился за всё сполна. Ты. Но не я.

– Что? – Алексей остановился. – Ты куда собрался?

– В больницу!

– Ты что, с ума сошёл, отец? Куда ты поедешь в таком

состоянии?

– Один раз я уже не поехал. Подай мне брюки, сын!

– Папа!!

Глава 8

– Светлана Юрьевна, вы можете мне одолжить денег? Мне срочно нужно вернуться домой.

– Как – домой? – женщина округлила глаза. – А как же институт?

– Документы я отнёс, экзамены через несколько дней. Повезёт – успею вернуться. А деньги я отправлю вам сразу же, не переживайте!

– Да я вовсе не за деньги переживаю! Значит, всё-таки что-то случилось у тебя, да?

– Я вам потом обо всём расскажу! Обязательно!

– Осторожнее! – я чуть не упала, уворачиваясь от внезапно выскочившего из соседней квартиры человека.

– Простите, пожалуйста! – пробормотал он знакомым голосом и поднял голову.

Я стояла, раскрыв рот.

– Егор?!

– Маргарита... Станиславовна?

– Так это ты – сын одноклассника Светланы Юрьевны? Обалдеть можно!

– А вы здесь живёте? – он кивнул на соседнюю дверь. – С дочкой?

– Откуда ты знаешь, что у меня есть дочь? – тут же спро-

сила я.

– Так... Светлана Юрьевна рассказывала.

– Вот как? – я внимательно смотрела на него. – Допустим.

А куда ты так торопишься?

– Маргарита, как звали вашу мать? – внезапно выпалил он и сделал маленький шаг назад. Будто сам испугался своего вопроса. Или моего ответа?

– Нина. А к чему тебе это знать?

– Нина... – его голос заметно дрогнул. – Значит, всё-таки

Нина...

– Представь себе! Но зачем...

– Маргарита! – он умоляюще посмотрел на меня. – Мне нужно срочно уехать на несколько дней, самолёт через три часа... Прошу вас, дождитесь меня, никуда не исчезните за это время!

– Интересная просьба, – хмыкнула я. – Мне кажется, это твой стиль – исчезать в самый неподходящий момент. А что будет, когда ты вернёшься?

– Я вам потом всё расскажу! – он больно стиснул мои пальцы и побежал по лестнице вниз. Через несколько секунд в подъезде стало тихо. Постояв ещё какое-то время перед собственной дверью, я, наконец, достала ключи из сумочки. Подумаю обо всём потом. Сейчас надо отпустить Аню и выпить крепкого сладкого чаю.

Глава 9

Прошло четыре дня. Когда раздался неожиданный звонок в дверь, мы с Фёдором сидели на кухне. Было восемь часов утра.

– Ты кого-то ждёшь, Марго? – удивился отец.

– Мне кажется, жду, – кивнула я и взглянула в сторону детской. Василиса ещё спала. – Пап, ты сможешь открыть дверь?

– Конечно! – Он задержал свою тяжёлую ладонь на моем плече и вышел в прихожую. Я закрыла глаза. Странное состояние охватило меня. Как будто я знала, что сейчас произойдёт. Но откуда я могла знать?

– Мы к Маргарите Станиславовне, она дома? – раздался от порога мальчишеский голос.

– Да, проходите, пожалуйста. Она вас ждёт.

В квартиру зашло несколько человек, я это сразу поняла. Спустя пару минут Фёдор провёл гостей в комнату. Я медлила. Выходить мне отчего-то было страшно.

– Всё страшное уже позади, – вдруг прозвучал в моей голове голос фиагдонской старухи.

– Ладно! – я решительно вскочила с табуретки...

Они сидели рядком на моем длинном диване. Трое мужчин. Три поколения. Старый дед с прямой спиной и выцветшими глазами цвета мяты, мужчина средних лет с серьёз-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ ОЛИВКОВЫХ ГЛАЗ И ЮНОША, КОТОРОГО Я ТАК ДЛГО
ЖДАЛА.

– Доброе утро! – сказала я и встала рядом с Фёдором.

– Здравствуйте, – хором ответили они.

Егор вскочил и сделал несколько шагов ко мне. Лицо у
него было смятенным.

– Дед, папа! – обернувшись, сказал он охрипшим голо-
сом. – Я хочу представить вам... хозяйку этой квартиры
Маргариту Громову. Мою... сестру.

Фёдор вздрогнул, гости окаменели.

– Я не совсем понял, сынок...

– Это твоя дочь, отец.

– Ты сошёл с ума, Егор?

– Мать Маргариты – Нина Станиславовна Беркутова, твоя
одноклассница, папа!

– Это правда? – ошарашенное лицо повернулось ко мне.

– Правда, – кивнула я и взяла за руку Фёдора.

– И сколько... сколько вам лет?

– Тридцать девять.

– Но нам сказали, что девочка погибла! – воскликнул по-
бледневший старик.

– Погибла? – переспросил Фёдор. – Кто вам это сказал?

– Дарья. Моя бывшая жена...

– Интересное кино, – хмыкнула я. – Тётя Даша, похоже,
не только меня за нос водила! Как видите, я жива и даже
неплохо себя чувствую.

– Так вы ничего не знали? – удивлённый Егор переводил взгляд с отца на деда. – А я был уверен...

– Откуда ты вообще узнал об этой истории?

– Разве это важно, папа?

Парень внимательно смотрел на меня. Я всё поняла без слов.

– Ты прав, сейчас это уже не важно... – Мой биологический отец выглядел подавленным. Биологический отец... невероятно просто!

– А про Нину вы тоже ничего не знали? – Фёдор сжал мои пальцы. – О том, как она жила после того, что случилось?

– Даша рассказывала про неё... – видно было, что старику трудно произносить эти слова. – Она сказала, что девочка... извините... пошла по рукам. Большая удача, сказала Даша, что мы уберегли нашего мальчика от такой распущенной девицы... И я не стал с ней спорить. Не стал...

– Дед! – Егор бросился было к своему деду, но тот остановил его суровым жестом.

– Я очень виноват перед твоей матерью, Маргарита! – он встал. Лицо его побледнело ещё сильнее. – Ведь я знал, что грош цена словам моей супруги, мы и развелись-то с ней именно из-за её дрянного языка, но я согласился с ней, потому что мне так было удобнее. Если бы я хотя бы приехал в Москву, хотя бы просто поговорил с Ниной... Но я не сделал этого, а значит и я в одной связке с Дарьей... Нет мне прощения!

Руки его тряслись, и сам он, ещё десять минут назад выглядевший вполне бодро, вдруг разом постарел на десяток лет.

– Нина никогда не держала на вас зла! – мягко произнёс Фёдор. – Даже в самые тяжёлые моменты своей жизни она слова плохого о вас не сказала. Можете верить мне.

– Я тоже многого не знала о своей матери. – Я приблизилась к старику. – И горюю о том, что уже никогда не смогу попросить у неё прощения. Но сейчас я благодарна судьбе, что у меня есть возможность обнять своего дедушку. Я ведь могу вас обнять?

Он первым прижал меня к себе, и я обхватила его плечи руками и поцеловала в седой висок. У меня никогда не было деда.

А потом я подошла к Алексею. Он встал, но сказать ничего не мог. Губы его дрожали, а в глазах плескалось зеленое море. Я глубоко вздохнула.

– Когда-то я мечтала найти тебя и навалить хорошенько за все мои страдания. Теперь я поумнела. Мы будем дружить... семьями... если захочешь.

– Дочка... – он неловко обнял меня, и я не стала сопротивляться. Два отца – лучше, чем один.

Егор подошёл ко мне сам. Глаза его улыбались.

– Ну, привет, братишка!

– Здравствуй, сестрёнка! Надеюсь, ты на меня не сердишься?

– Я с тобой успею ещё разобраться, – хмыкнула я. – А сейчас не будем портить семейный праздник. Иди ко мне, малыш...

Я стиснула его так, что он засмеялся.

– Крутая у меня сеструха, повезло мне!

– Не то слово! – усмехнулась я.

Из соседней комнаты донёсся детский плач.

– А вот и ещё одна родственница проснулась! – радостно воскликнула я. – Пап, принесёшь Василису?

Оба моих отца бросились к ребёнку одновременно.

Глава 10

– Значит, ты тоже был у неё...

– А иначе откуда бы я обо всём узнал? – Егор с ухмылкой смотрел на меня.

– Из тебя вышел бы второй Смоктуновский. Не будь я такой подозрительной, тебе бы точно удалось обвести меня вокруг пальца.

– А разве не удалось?

– Я сразу поняла, что дело нечисто, ещё только когда ты швырнул в меня мячом. Признайся, ты ведь не хотел, чтобы слова старухи оказались правдой?

– Не хотел, – согласился он. – Думаю, не стоит объяснять, почему.

– Я очень хорошо тебя понимаю, Егор. Я бы сама сломя голову бежала от таких новостей. Но... всё хорошо, что хорошо кончается, правда?

– Да... – Он задумчиво посмотрел в окно. – Ты знаешь, Марго, через полгода ты станешь тёткой. Как тебе такая перспектива?

– Я люблю детей! – улыбнулась я.

– А почему ты ничего не спрашиваешь меня о ней?

– О Марине?

– Так ты знаешь??

– Твой... точнее наш отец светился от счастья, когда рас-

сказывал о твоей невесте и будущем внуке.

– Или внучке...

– Или внучке, – легко согласилась я. – Ведь это не столь важно, да?

– Я пока сам не понимаю... – Он посмотрел на меня. – Марго, можно у тебя спросить?

– Что это ты таким нерешительным вдруг стал? – удивилась я. – Спрашивай, конечно!

– А твой, ну, отец Василисы, он что, бросил тебя?

– А ты, никак, хочешь с ним разобраться? По-семейному, а? – усмехнулась я.

– А почему бы и нет? – Егор выпрямил плечи. – Не забывай, что у тебя теперь есть защитник!

– Я это очень ценю, брат! – серьёзно ответила я. – Но бить никого не надо, уверяю тебя. Я...

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Интересно, кто на этот раз? – пробормотала я удивлённо.

Дед с Алексеем уехали ещё вчера, Фёдор был на работе, и в гости ко мне никто не собирался.

– Светлана Юрьевна, наверное, – предположил Егор.

– Скорее всего.

Я направилась в прихожую.

На пороге моей квартиры стоял доктор Арсеньев. Вид у него был весьма решительный.

– Неужели и для меня минутка нашлась? – язвительно

спросила я, не сдержавшись.

– Я тоже рад вас видеть, Марго! Вы впустите меня или у двери будем болтать?

– О, так вы пришли поболтать, Иван Семёнович? Так бы сразу и сказали! Это мы всегда!

Я сделала шаг назад, шире открывая дверь. Доктор, всё с тем же отважным выражением лица, переступил порог.

– Чувствуйте себя как дома, милый доктор!

– Премного вам благодарен!

– Чай, кофе? А может быть, сразу коньячку?

– У меня всё с собой! – он поднял вверх руку с чемоданчиком.

– О, так вы подготовились! Тем лучше! – Я сделала приглашающий жест в сторону комнаты. – Егор, принимай гостей!

– Егор? – слегка удивился доктор. – Неужели я вам помешал, Маргарита?

– Что-то я не слышу в вашем голосе раскаяния, Иван Семёнович! – тихо сказала я.

– Вас же предупреждали, что я несносный и наглый тип!

– Хм... Мне кажется, эпитеты явно преуменьшены.

При появлении гостя Егор вежливо встал.

– Егор, познакомься, это Иван Семёнович Арсеньев, очень хороший человек и большой друг детей.

– Не путайте меня с Лениным, Егор, – хмыкнул доктор. – А вы, я полагаю, родственник Маргариты?

– Брат, – коротко ответил парень и быстро взглянул на меня. Правая бровь его дёрнулась вверх. Я поняла, о чём он подумал, и усмехнулась про себя. Не знаю, милый Иван Семёнович, зачем вы пришли, но на моей стороне появилось подкрепление. Так просто я не сдамся!

– Надеюсь, Егор знает, где в доме находятся бокалы? – весело спросил доктор, открывая свой заветный чемоданчик. На свет появилась тёмно-зелёная бутылка с длинным горлышком.

– Ого! – мой брат повёл носом. – Вино? Французское? У нас праздник?

– Мой приход в этот дом – всегда праздник, мой юный друг! Марго, неси штопор, в последний раз я его видел в правом ящичке всячего шкафа.

– Завидная память, – хмыкнула я и метнулась на кухню. Происходящее начинало меня веселить...

– А теперь, друзья мои... – Арсеньев встал с бокалом в руке. – я хочу сделать заявление!

– Звучит интригующе! – произнесли мы с братом в один голос.

– Присутствие тут твоего кровного родственника, Марго, оказалось как нельзя кстати. Так вот... – он глубоко вздохнул. – Я собирался сказать и, собственно, говорю, что хочу удочерить Василису!

– Опа! – не сдержала я изумлённого возгласа.

– В каком смысле, Иван Семёнович? – осторожно спросил

Егор. – Она вроде не сирота...

– Кому, как не мне, это знать! – доктор пристально посмотрел в мои глаза. Я напряглась. – Я люблю... твою дочь, Марго, и хочу, чтобы ребёнок был счастлив. А самое большое, что я могу сделать для неё – стать её отцом. Дети должны расти в полных семьях, это моё твёрдое убеждение.

– Я что-то не совсем понимаю... – Егор потёр лоб. – Так вы девочку хотите удочерить или...

– Марго, а ты уверена, что этот непонятливый тип – твой брат?

– Абсолютно! – я не отрывала от гостя своего взгляда.

Кажется, я начинала прозревать.

– Значит, вы одумались? – внезапно спросил Егор. – Сначала бросили мать своего ребёнка, а теперь совесть замучила?

– Егор!

– Да я же не осуждаю, Марго! – смутился он. – Наоборот. Я знаю, что такое неполная семья...

– Вот видишь, дорогая! – усмехнулся Арсеньев. – Даже твой брат на моей стороне. А что ответишь мне ты?

– А я пока не услышала вопроса, Иван Семёнович.

– Хорошо, – он кивнул и поставил бокал на стол. В руке его вдруг оказалась небольшая синяя коробочка, которую он тут же открыл и повернул ко мне. – Маргарита, я предлагаю тебе стать моей законной супругой. Обещаю, что буду преданным мужем и добрым отцом для Василисы. Что ты теперь

ответишь?

– Очень сухо, Иван Семёнович! – недовольно покачала я головой. – В операционной вы, небось, и то изобретательней!

– А ты придирчивая!

– Меня, можно сказать, впервые замуж зовут, почему же я не могу насладиться этим моментом сполна?

– Ты же была замужем?!

– Инициатором брака была я. Всё, Иван Семёнович, не отвлекайтесь! Я жду!

– Может быть, мне лучше оставить вас наедине? – Егор привстал.

– Ещё не время! – ухмыльнулся Арсеньев.

Но через секунду его лицо приняло серьёзное выражение. Он поставил синюю коробочку на стол, опять открыл свой портфель, выудил оттуда какой-то свёрток, развернул обёртку, и я с удивлением и восторгом поняла, отчего вдруг по комнате разнёсся такой чудесный запах! Маленький букетик ландышей, казавшийся просто невероятным чудом в Москве в конце июля, лежал на широкой мужской ладони. Моё глупое сердце подпрыгнуло и застучало ещё быстрее, чем прежде.

– Как вы узнали, что это мои любимые цветы?

– Я потом тебе об этом расскажу! – Он вложил в мои пальцы нежный букетик и задержал мою руку в своей. – Наверное, они не совсем соответствуют торжественности момента, но мне очень хотелось посмотреть, как вспыхнут от радости

твои глаза!

– Вы провокатор, Иван Семёнович!

– Не буду спорить! – Он глубоко вздохнул. – Марго! Знаешь ли ты, что я искал тебя всю свою жизнь? Твоё прекрасное лицо приснилось мне однажды в детстве, оно звало меня, обещая неземное счастье, и с тех пор я потерял покой. Каждую ночь я засыпал в надежде вновь встретиться с тобой, и каждое утро начиналось с мыслями о тебе. Я жил только ради того, чтобы найти тебя. Судьба смеялась надо мной. Она подсовывала мне женщин, похожих на тебя, но иллюзии очарования разбивались вдребезги, стоило мне лишь приблизиться к ним. Единственной, кому удалось дольше всех удерживать меня подле себя, оказалась моя жена, мать моих двух детей. Мы прожили с ней шесть лет. Это было странное время... Но это опять оказалась не ты, и я ушёл от неё. С каждым годом надежда найти тебя становилась всё призрачнее и тоньше. Я окунулся с головой в работу. Я стал искусным хирургом. Мог ли я подумать, что увижу свою Единственную на операционном столе? Но судьбе и в тот момент угодно было зло подшутить надо мной. Я чуть не потерял тебя, жизнь твоя висела на волоске. Мне помогли мой выпестованный за долгие годы опыт и Чудо, иначе я не могу назвать твоё возвращение к жизни... Я не могу больше молчать, Марго! Я твой раб, твой верный воздыхатель, твой идолопоклонник. И единственное, о чём я тебя сейчас молю: дай мне находиться возле тебя, быть тенью твоей, твоим отражением!

Одно твоё слово может вознести меня на вершину счастья, так скажи же его, о возлюбленная моя Марго! Согласна ли ты выйти за меня замуж?

– Вот это предложение, вот это я понимаю! – потрясённо выговорила я.

– Я учёл все твои пожелания, Маргарита? – улыбнулся Арсеньев.

– Вы были на высоте, Иван Семёнович! И знаете, что я скажу: даже если в вашей речи есть хоть малюсенькая доля правды, значит, моя жизнь удалась! А вот ваша – как знать...

– Что ты имеешь в виду?

– Если я соглашусь на ваше предложение, я отправлю вам существование, Иван Семёнович, подумайте об этом серьёзно! Не вы ли мне всегда говорили, что у меня скверный характер?

– Я делал это для отвода глаз, уверяю тебя! – глаза доктора смеялись. Ага, так я тебе и поверила!

– И ещё вы просили не лезть в вашу жизнь!

– Доктор Левандовский предупреждал тебя о противоречивости моей натуры, Марго!

– А вы знаете, что в случае моего согласия у вас будут сразу два тестя и ещё куча родственников?

– Думаю, что это я как-нибудь переживу. – Лицо его стало серьёзным. – Я люблю тебя, Марго. Разве ты этого до сих пор не поняла?

– Теперь поняла.

– И ты выйдешь за меня замуж?

– Да.

– Да?!

– Я выйду за вас замуж, Иван Семёнович! Хороший доктор в семье никогда не помешает!

– Ох, и язва же ты, любовь моя!

P.S.

Я никогда ещё не была так счастлива!